

Михаил АРЖАНОВ
(1924–1981)

ИЗ ДНЕВНИКОВ И ПИСЕМ (1952–1981)

Публикация, вступление, примечания М.А. Богадельщиковой

В настоящей подборке объединены фрагменты писем ко мне, жене Михаила Николаевича (во втором браке, с 1961 г. до 1981 г. – года его ухода из жизни, последнее письмо адресатом получено за два дня до кончины художника) и немногие записи, которые мы назвали дневниковыми по характеру содержания. В нашей двадцатилетней совместной жизни было много разлук. Длительных (почти два года моей жизни в Якутии, три года в Москве) и относительно коротких: ежегодные месячные стажировки М.Н. по вопросам реставрации в ГЦНХРМ в Москве, другие командировки и поездки; в последние восемь лет, когда основным местом нашей жизни была Казань, М.Н. подолгу оставался с детьми в Саратове – от двух до девяти-десяти месяцев. Тогда письма становились основным средством и способом общения.

Дневников, в традиционном понимании, М.Н. не вёл (об этом в одном из писем упоминает сам художник), но желание «остановить мгновение», зафиксировать наблюдение, мысль, состояние – ему было свойственно, и он записывал в блокноте, порою на подвернувшемся одинарном листочке или клочке бумаги то, что в тот момент представляло для него интерес. Лишь в экспедициях записи в блокнотах велись как собственно дневниковые, с указанием даты, пункта маршрута. Таких экспедиций – по выявлению икон и других предметов древнерусского и народного искусства было три. Но записи сохранились лишь по первой, на Север. Вместе с тем и некоторые письма Михаил Николаевич считал дневниковыми и просил их сохранить. Помимо словесных, художник вел еще и графические дневники, которые интересны и сами по себе, и как материалы к биографии. Именно эти дневники он считал главными.

Архив М.Н. Аржанова в настоящее время хранится в Бременском университете в Германии (НА FSO Bremen, F.172. Историч. архив Восточно-европ. ин-та при Бремен. ун-те. Ф.172/ М. Аржанов).

Дневниковые записи

1952–1954 гг.

Суббота, 2 августа, Саратов

Николай Михайлович Гуцин по поводу классного этюда с обнаженной Володи¹ говорил о том, что идти надо от живописи к рисунку (хотя – он сделал оговорку – это не значит, что первый принцип неверный, он верен, как верна школьная программа; предупреждал его о нецелесообразности идти наперекор школьной программе).

Говорил о характере, который один только подчеркивает мысль и выявляет её наиболее остро; но это достигается и многими другими средствами.

Ритм. Показывал начатую вещь, но в ней ритм плоскостной, по каким-то, мне кажется, несколько искусственным законам параллельных линий.

¹ Владимира Алексеевича Солянова, художника, друга М.Н. Аржанова.

Прямо противоположно Делакура, который говорил, что параллели это не искусство.

30 августа, Саратов

Последний день календарного лета. Да и по погоде видно, зори холодные. В понедельник был на Волге, в Затоне. Купался, наверное, в последний раз. Сделал два наброска пейзажа. День был серый. Небо в плотных серых облаках, но с разрывами. Ветрено слегка. Этот трудовой берег может дать столько жизни пейзажу. Горы лесу, дрова, камни, мел. Баркасы, лодки, автомашины, тракторы и проч. Рабочие в майках или только в штанах коржат и вытаскивают брёвна трактором прямо без полозов по скользкой и блестящей мокрой земляной дороге. Симфония, которая кончается вечером. Тихо-торжественно ветерок уступает тишине и прохладе. Ребятишки стайкой сворачивают с дороги и идут на Тарханку рыбачить на ночь. Сторожа и рабочие варят ужин, художник торопливо рисует великое чудо творения природы, сумерки. Недлинный отдых с цыгаркой, и надо идти домой, чтобы в сутолоке мелочных занятий умерло последнее воспоминание об этой поэзии.

Великое наслаждение было смотреть творчество человека. (У Ник. Мих. Гущина.) Но это ничто не заменит. Здесь ты сам приготавливаешься к творчеству, а это самое приятное, главное оттого, что ещё не отравлено муками бессилия. А бывает разве художник победителем?

1954 г., Саратов

10 дней писал этюды, не думая ни о чем больше. Какое наслаждение! Да ещё рядом с таким богом, как Н.М. Гущин.

Мне казалось, вот он всё открыл, а ему так же трудно, как и мне, достичь своего.

Писали с лодки, под вечер. Он писал солнце и воду. По-моему, сильно, а он через два дня записал его совсем. Когда кончили писать, он с удовольствием произнес: «Какая же трудная штука – живопись!»

Жизнь между двух миров – повисла как звезда,
Меж ночью и зарей на крае небосклона,
Как мало знаем мы: зачем идем? куда?
И созданы зачем? А бешеное лоно
Потока времени уносит без следа
Нас – пузыри. Исчез один среди миллиона, –
Другой из пены лет вскипает. И среди мглы
Гробницы павших царств – как зыбкие валы

Из писем

29 декабря 1960 г., Москва²

Милая, несравненная Рита!

Должно быть, я неисправим в своих недостатках: я давно получил Ваше доброе письмо, а отвечаю только вот теперь (на бегу). Видите, как мне трудно ответить, а не то, чтобы начинать разговор с Н.М.³

И, ведь, я думаю, не переставая. Ночью засыпая и пробуждаясь по утрам, я столько

² Самое первое письмо М.Н. ко мне, из Москвы, где он находился на стажировке в ГЦХРМ (Государственные центральные художественно-реставрационные мастерские). Это ответ на мое письмо, где я прошу М.Н. написать письмо Гущину, как-то постараться смягчить впечатление Н.М. Гущина от произошедшей между ними размолвки перед отъездом Аржанова. Я уже два месяца работала в Музее, с Гущиным встречалась каждый день, и тяжело было видеть его переживания по поводу этой размолвки (её существа я не знала или не помню), он тяжело вздыхал, гнетущие мысли о необходимости разрыва с Аржановым, которого очень любил, не оставляли его. Поэтому я и написала обо всём этом Аржанову.

³ Николаем Михайловичем Гущиным.

надумал хороших писем и разговоров, но это всё ненаписанные повести. Мысль, в сущности, толчётся, она не может улететь от меня, она готова оторваться, и что-то сковывает мою волю, я не могу писать.

Я до сих пор не могу почувствовать свою вину, я не знаю, в чём моя грубость, что же мне писать, что говорить, кроме того, о чём уже шла речь. Нудно повторять одно и то же, более убедительных аргументов я не нахожу. Мне кажется нелепой сама мысль Николая Михайловича о моей измене. Больше всего за всё время нашего знакомства я заботился, чтобы ему было легко смотреть на нашу ужасную жизнь.

Мне ведь не сладко самому. Я по приезде расскажу Вам, почему я провожу иногда мучительные ночи без сна, ночи пыток. Два утра не бывает, а одного мне не хватает для всех дел. Костёр горит полыхает ночью. Рассвет несёт новый день, а я живу без правил, я не воспитан, и я знаю, что не доживу до мудрости Н.М., мне просто не хватит лет, а может быть, дело не в годах, а в таланте. Значит, я просто мелок, и это столкновение, которое у нас произошло, явилось, возможно, следствием разочарования Николая Михайловича во мне. До этого он слишком часто хвалил меня. От него ускользали мои отрицательные черты, мы ведь всё-таки довольно редко встречались.

Прерываю письмо. Лучше поговорим, когда я приеду.

Все мои нежности Вам.

А.М.

Июль 1961 г., Саратов, записки в больницу

Родная моя Рахита, меня немного утешает спокойствие твоей мамы, но это спокойствие основано ты знаешь на чём, а мне трудно, поэтому сразу, как только горести и боли твои будут позади, напиши или вели передать: «всё хорошо», мне будет всё понятно. Не успокаивай меня только понапрасну, жалея меня. Мне всё равно трудно и из-за тебя, и из-за Ируськи⁴. Мне бы хотелось раздробить ногу по кускам, только бы не представлять себе ваши страдания. Боль, в сущности, очищает человека, потом он – невыразимо прекрасен, я бы хотел быть с тобой, разделить всё.

Я что-то ужасно петляю. Боль, любовь, страдание, эгоизм, красота – всё смешалось. Короче, я люблю тебя на расстоянии, вот сейчас, каждый миг. Я не так, в сущности, переживаю за тебя, даже когда тоска за Иринку – и ты здесь. Больше я нигде. Не сердись, что ты не одна у меня. Любовь у меня одна – и ты и она. С тобой легче, тебе можно написать, сказать. Тебя можно желать, ждать, а с ней надо только быть и беречь её, впрочем, как и с тобой. Я кончаю, потому что заболтался. Нина⁵ выше всякой признательности. И, вообще, тебе, рахитке, далеко до неё. Она выстирала и вымыла моё заросшее коростой тело, кормит и поит меня, а ты что, только сушишь мои мозги. Пиши вот тебе, а чернила кончились. Нине хочется мне написать какую-нибудь ласковую тень, за её любовь к тебе. Анне Ивановне⁶ – тоже. Вчера она мне квалифицированно рассказала о твоей рахитичности, а вечером они пришли пить чай ко мне. Отек ноги спадает. Завтра я, вероятно, приду навестить тебя. Из больницы можешь не выписываться, выйдешь, удушу тебя (с радости).

Родная, если трудно, – не выходи. Бандероль передала мне Нат. Ив.⁷ вместе с приветом тебе. Утром я писал, а вчера стирал и купался, потому что от вас я ушёл поздно, не успел на завод за камерой и не поймал автоинспектора, проходил напрасно. Не волнуйся, если когда я не попаду к тебе, когда ты ждёшь, мне всё-таки хочется пописать. Хотя я постоянно в какой-то тревоге, тороплюсь и злюсь, что я совсем ничего не умею делать. Посылаю тебе «Боги жаждут» и Эдгара По. Пожалуй, посылка тебе будет лишней, по крайней мере «Пикассо». Так ты верни мне эту книжицу. Жаль, что «Гуттузо» твой друг

⁴ Дочь М.Н. Аржанова от первого брака.

⁵ Иванова – моя двоюродная сестра.

⁶ Богадельщиковой, моей матери.

⁷ Наталия Ивановна Оболенская – искусствовед, зав. отделом хранения музея.

прислал не тебе. Целую, люблю.

<...> Не мог придти к тебе раньше, т.к. провозился с обеда с мотоциклом. Теперь я получил номер и могу разъезжать по все дорогам. Не волнуйся, не спеши. Лодка исправна, выйдешь из больницы, поедем на Волгу сразу. Сентябрь самая славная пора. Комаров не будет, а вода тёплая до самого октября. <...>

22 ноября 1961 г., Москва

<...> Сейчас я вошел в норму: накануне я был в запасе Третьяковской галереи (XX век). Увидел так много интересного, что впечатление от увиденного не давало мне хандрить два дня, а сегодня мы с Глебом⁸ писали прямо после работы. До субботы я обеспечен натурой и возможно хорошим настроением.

13 февраля 1962 г., Саратов

Родной мой якутёнок, получил от тебя письмо из Борогонцев⁹, так рад тому, что увидеть тебе удалось что-то приятное. Постарайся не забывать музыку, если есть инструмент – играй. Прошу ещё, напиши подробнее о физическом состоянии своём, и как, вообще, ты проводишь день. <...> Как с постелью, ведь у тебя, кроме подушки, ничего нет? Если есть солома – сделай соломенный матрац, а когда устроишься в своей комнате, можно наломать еловых веток, уложить их вдоль и поперёк в три-четыре ряда, будет изумрудная ароматная постелька. А на лыжах бегай как можно больше, но не забирайся одна далеко, заблудишься или ещё что может приключиться. В воскресенье я был (снова с Володей и Раей¹⁰) на Марфутке¹¹, день был морозный, солнечный. Я сделал два наброска, очень хотелось писать, но отвлекли школьники: приехала ватага мальчишек и девчонок и, обескураженные нашим присутствием, подняли гвалт. Кто-то из мальчишек уверял компанию, что, де, там никто не живёт. Они приехали с закусками и вином, а разложить негде. Поддразнивая друг друга, начали ломиться к Трофимычу, но его надпись приостановила их, тогда они бросились к Ив<ану> Григорьевичу, открыли у него дверь. Пришлось мне вмешаться, кончилось дело миром. Я пригласил их к себе, заставил нарубить дров. Они уехали, а мы возвратились в 10 часов. Дни стали заметно длиннее, но проходят также быстро, как и всегда. Целый день у нас сутолока, почему-то много хлопот стало у нас: Н.М.¹² ещё ничего не делает, хотя на работу и приходит, сидит пишет письма, потом идёт домой, что-то он делает дома. На радостях мы играли раза два в шахматы после обеда, а вообще я не играю, но вот курить никак не могу бросить, слишком грустно без тебя. Правда, вчера я начал писать с Тони Стреляевой¹³, а сегодня она не пришла. Очень она легкопёрая, но тем не менее приятная. Её видно всю насквозь. По одному тому, что она просидела вчера у нас целый день в музее, я догадался, что у неё что-то неладно дома, так и оказалось, вечером она мне приоткрыла тайны. Обычная канитель между свекровью и снохой, которая обманула ожидания, так же, как я оказался не тем, который был в мечтах Анны Ивановны¹⁴. Ты только не думай, что я на неё обижен. С матерями можно не соглашаться, но обижать их грешно.

<...> получил 50 рублей, половину я истратил, я расплатился за куртку, которую я купил после твоего бегства. Куртка всех очаровала, неделю мне все говорили комплименты, а я её, бедную, не спускаю с плеч, она достаточно тёплая, и жаль, что до тебя я её обтреплю. За лекции я получил 5 рублей. Пока я болел, съел кило мёду вместе с Ируской, а вообще у меня почему-то скверный аппетит. Ем мало, хотя и есть нечего. На базар я не хожу, а в

⁸ Глеб Карлсен – художник, реставратор ГМИИ им. Пушкина.

⁹ Село в Якутии.

¹⁰ Соляновыми.

¹¹ «Вилла Марфутка» – шутовое название домика на Волге, купленного Гушиным для отдыха и работы.

¹² Гушин.

¹³ Антонина Стреляева – актриса, работала в ТЮЗе.

¹⁴ Богадельщиковой.

магазинах ничего нет. Правда, купил я требуху и никак не съем, очень грубое мясо. Завтра я всё-таки куплю настоящего мяса или курицу и сварю в мастерской. Спасаясь молоком, но всё-таки, главное, надо мне быть больше на воздухе, а времени нет. Начал работать как будто по-настоящему, только вот сегодня уехал Алёшка¹⁵ (в Кр. Кут), а Тоня не пришла, – я и пишу тебе, отвожу душу. Володя Сторожев¹⁶, оказывается, уехал тоже в долг. Кредит отпустил ему Н.М. Сегодня я рассказал ему о вас, и он подсадовал на меня: как это я мог тебя отпустить. Помнишь, я тебе говорил: он потому советовал Володе увезти тебя, что надеялся – я не пушу тебя, и ещё он думал втайне, что ты изменишь мне. Я решительно не могу никому угодить. Видишь, как мне ни хотелось нарушать запрет твой не говорить с Н.М. на темы нашей жизни, но приходится.

Хочу очень тебя увидеть, наверное, я не дождусь июля, может быть, только – вработаюсь. Главное, мне хочется сейчас войти в форму, чтобы поездка (если только она выйдет) прошла на все 100 %. А то бывает так: приедешь и ничего не увидишь. Ируська целыми днями рисует, заметно делает успехи. Измазала целую коробку акварели и истёрла кисточку, в следующем письме я пришлю тебе какой-нибудь из её шедевров. Или я впадаю в детство, или мне так представляется, но я совершенно лишён такого ощущения свободы, с которой она начинает всё рисовать, и не совсем бесполезными пропадают мои советы, она мигом их «внедряет в свою практику». Стоило мне сказать об однообразии движения рук у её «девочек», как на следующее утро она показывает мне композицию, где «девочки» её не просто стоят с растопыренными руками, а несут вёдра и играют в мяч. Понедельник этот я провёл с ней, но дома, так как мама ушла к сестре и пришла только вечером. Когда я стал топить печку, Ира спросила меня, а можно ли сделать так, как у тёти Веры¹⁷ (т.е. центральное отопление)? Говорю: пусть мать хлопчет квартиру на заводе. Она мне отвечает: она не хочет квартиру, а если ты похлопочешь, мы только с тобой пойдём туда жить? Конечно, – говорю. – Нет, мы ещё бабушку возьмём. Душа – что зеркало.

<...> Ируську надо лечить мне самому на море или на Волге (там, где есть песок). Купание и массажи – больше врачи ничего уж не могут сделать, так и сказали: недавно она была на проверке (я тебе писал) в институте ортопедии и на протезной фабрике. Снова у неё контрактура, но гипс накладывать нельзя, нога может омертветь. Вот теперь и подумаешь, ехать ли в Сибирь, а так хочется. Если бы можно было поселиться где-нибудь у моря. Снова проблемы. А мне всё надоело. Хочу писать и рисовать.

Поработать хотя бы года два-три, не думая ни о чём. Всё бы было ясно тогда. Мне кажется, я дошёл сейчас до черты. Или работать во всю мочь, или всё бросить, и тебя в том числе, потому что пока я пишу, я буду тебя любить, если я брошу, я для тебя буду сапог, ты ведь золотинка. Очень долго пишу <...>

Если я не сумею приехать, то надо решать, как быть, как устраиваться на будущее. Алёшка всё твердит, что он уедет летом. Володя расхваливает Сталинобад, теперь Дюшанбе (старое название кишлака). Он говорит, что можно там работать на воздухе круглый год. Но ведь я сдохну без России и без воды. Надо бы разведать всё-таки в Саратове.

Всё же я приеду в Сибирь и тогда буду решать, что делать. Сейчас главное наскрывать на дорогу. Если делать настоящий турпоход, надо очень много денег. Мне кажется, рублей 300 надо.

Пиши, главное, о себе и всё, что я спрошу о Борогонцах, чем там люди живут, и т.д. Кончаю. <...> Домой не хочется, да Ируська теперь уже должна спать. Пойду поброжу по улице. Подышу.

24 февраля 1962 г, Саратов

¹⁵ Алексей Чернышев – научный сотрудник музея им. А.Н. Радищева.

¹⁶ Друг М.Н. Аржанова и Н.М. Гущина.

¹⁷ Веры Николаевны Багановой, родной сестры М.Н. Аржанова.

...Я всё ещё пишу Алешку¹⁸, живопись получается интересной, а композиционно – дрянь. Начал я необдуманно, а теперь трудно организовать, но я всё же добыю его в характере, очень хочу научиться писать портрет.

В пятницу (вчера) ходил на телестудию, написал хотя я только вступление, и так мне это тяжело было¹⁹. Три странички вот такого листика я писал весь вечер. Алешка одобрил, а Степанидин²⁰ посмотрел довольно тускло и предупредил меня в самом главном, чтобы я не писал так, как вы (имея в виду предыдущих) пишете – понятно только 10-ти музейным работникам. «Мы работаем на 400 000 аудиторию». Во, цифра!

...Завьялова²¹ никак не желает давать командировку за Матвеевым (если ты помнишь, вдова Матвеева дарит Музею автопортрет скульптора и предлагает купить еще что-то). Все-таки она смотрит на Музей как директор клуба. Порой обидно за город: в Радищевский музей шлют всю дрянь. Присылают ящики с эскизами устаревшего уже теперь оформления каких-то дворцов и проч.

...Сейчас мы с Николаем Михайловичем потолковали о живописи. Он, кажется, стал чувствовать тот недостаток у себя, что редко работает. Жаловался, что никак ему не удастся Николаевская²², с которой он начал писать, кажется, при тебе. Поскольку у него настроение было хорошее, я показал ему те этюды из нашего путешествия, которые остались у меня. Тот, что я писал с лодки, ему понравился, впрочем, я и сам теперь вижу, что он кое-что имеет серьезного, но особенно ему понравилась «Обнаженная», начал допытываться, где это я писал. Я сказал, что у Чижиковой²³, но мне думается, он сомневается, вероятно, он почувствовал характер и угадал, что это ты.

27 февраля 1962 г., Саратов

...Вчера я был у вас, отнес лыжи. Шел я от Володи²⁴ через мост на Товарке и думал, как всё это немудрое зрелище долго живет: ходил с тобой по этим улицам, все было так, как и теперь, потому что это нас переживет, а мы мельтешимся, не даем себе радость почувствовать вполне. Теперь бы я не стал при тебе нагонять тоску и на себя и на тебя...

Проклятая работа на телестудии испортила мне сегодня день, сейчас я буду писать какую-то ересь, потому что редактор меня предупредил, чтобы это было сделано очень просто. Просто, на 20 минут, о портрете. Это не очень просто сделать.

Теперь вот еще ты спрашиваешь о реакции Бородин²⁵. Не знаю ничего. Против него все правление Союза художников восстало, хотят переизбрать досрочно. Меня гораздо больше теперь волнует, удастся мне пописать сегодня, завтра и т.д. или нет, а все остальное мне наплевать. Не хочу я больше расстраиваться. Знаю только одно: если буду работать – будет толк; все-таки кое-какой талант у меня есть. Если будет мастерская и ты со мной, буду писать тебя и знакомых. Пейзаж и портрет – вот и всё. Картины не для меня. Сюжеты – это липкое и скользкое. На одной голове можно сдохнуть, одно бы дерево написать: или просто, чтобы оно пело?

Первые числа марта 62 г., Саратов

Теперь я получил некоторое представление о том воздухе, в котором ты живешь: я получил твое письмо, где ты пишешь о девочках, с рисунком, который навеял мне некоторые мысли. Рисуночек чудесный. Не беда, что нет резинки, стирать можно хлебом, только не очень мягким и не сырым...

¹⁸ Чернышева.

¹⁹ Речь идет о тексте телепередачи о М.В.Нестерове, который писал М.Н. Аржанов.

²⁰ Степанидин – редактор телевидения.

²¹ Завьялова Валентина Федоровна – директор музея (до 1963 г.).

²² Николаевская – студентка СГУ.

²³ Галина Павловна Чижикова – художница.

²⁴ Солянова.

²⁵ Бородин Алексей Иванович – председатель Саратовской организации Союза художников.

Статью в телевидение сегодня написал (13 страничек); больше писать не буду. Работа дикая, отнимает столько времени. На кой черт мне все это. Лучше я не поеду в Якутию, чем такая каторга. Такие деньги я когда-то зарабатывал шутя. Жаль, что теперь и это не по мне. Я не обленился, но раз и навсегда покончил со всякой халтурой, разве что будет крайняя нужда. Энергии у меня не то, что прежде, и теперь я трачу её расчётливо...

Завтра, наверное, в основном, будет закончена развеска в советском отделе, и ты знаешь, Николай Михайлович нашел очень приличное место для моей²⁶ и держится она здорово, сильная и тонкая довольно по цвету, да и настроение есть. Обидно теперь, что я получил за неё гроши. На приставном щите налево от входа только моя и «Дворик» Ивана Никитича Щеглова. Но лучше всего она смотрится из другого зала. Расстояние для неё ничто. Больше я таких скромных (щедрых – И.П.²⁷) подарков не буду делать даже музею, пусть лучше все останется тебе, только потому, что какие-то мазилы вроде Бородина получают впятеро больше за дерьмо. Я тоже мазила, но, по крайней мере, в сравнении с кем потолще...

Поездка к тебе мне кажется теперь маловероятной из-за денег. На развеске я почти не заработал, т.к. ездил за картиной Подляского. Гадостей нам присылают, больше чем нужно. Если я получу за телепередачу, то возьму то, что я истратил из присланных тобой денег, и Наталья Ивановна отдала мне 15 руб. Всего твоего капитала у меня теперь 50 руб., еще 20 я доложу. Тратить твои деньги я не буду ни под каким видом, ты меня не уговаривай и не грози. Я хочу, чтобы ты смогла вернуться в любое время. Поэтому я думаю наскрести ещё, если ты не сможешь расплатиться за свои долги сама. Если ты и сможешь, деньги все равно будут нужны, иначе опять нас будут терзать всякие неустройства.

март 1962 г., Саратов

Как хорошо, что ты не забываешь музыку. У меня теперь одна мечта – иметь угол с пианино. Между прочим, за 400 руб. здесь продавался рояль старый французский. Продан он был быстро. Внешне он был довольно потрепан, а что внутри, то я не спец, но все-таки выглядел он благородно....

Сейчас я прочел одну утешительную строчку у Делакура: «Я открыл живопись, когда у меня уже не было ни зубов, ни здоровья». Возможно и я доживу до такого трагического и светлого момента, ведь подойти и это что-то уже есть.

Это я пишу и читаю, вернее, дочитываю – в Москве не успел – «Жажда жизни» Ирвинга Стоуна. Обязательно прочти, если еще не читала. Впрочем, там, наверное, нет такой книжки. Она проста по форме и очень убедительна, тем не менее.

Я получил за обложку 35 руб.²⁸, и ты знаешь, как я безрассудно трачу иногда. Я купил у Николая Михайловича очаровательную картинку Шарля Бупе 95 г. (имени никогда не слышал). Еще бы мне хотелось приобрести Фалька (но это невозможно) и еще вещицу у Н.М. Настоящие картины никогда не станут дешевле. Наоборот, со временем у тебя будет капитал.

Четверг, 22 марта 1962 г., Саратов

...Если я поработаю как следует, то деньги будут рано или поздно. Все-таки у меня живопись настоящая, а она редкая, когда-нибудь людям будет нужно и то, что делал я, грешный...

Самое приятное же вчера было то – что получил письмо от Виктора²⁹.

Письмо очень короткое. Пишет, что живет скучно. «Живопись почти ушла от меня», но весной надеется всё восстановится; в августе будут в Саратове (отпуск). Жалеет, что не застанет меня.

²⁶ «Зимний пейзаж», собственность Саратовского музея им. А.Н. Радищева.

²⁷ Пометка Ирины Николаевны Пятницыной, сотрудника Радищевского музея.

²⁸ Обложка издания: «Каталог Саратовского художественного музея им. Радищева».

²⁹ Виктор Чудин – художник, друг М.Н. Аржанова, в то время жил в Польше.

Конец марта 1962 г., Саратов

Шлю тебе привет и свой первый опыт в линогравюре. Если присмотришься, то кое-что разберешь. Делал я её так, для физзарядки, ночевал я в музее, а утром проснулся рано и до прихода Володи³⁰ сделал рисунок, а потом после обеда, когда у нас шло очередное сражение в шашки, я нарезал доску и напечатал 5 листков. Нет валика для краски и краска плохо приготовлена, поэтому печать очень скверная. Я еще, быть может, кое-что дорежу на доске и отпечатаю получше, тогда пришлю еще.

Сейчас кончился очередной сеанс с Алёхи. Что-то завяжется, и снова не могу довести и бросить жалко, столько я его мутузил. Завтра ещё, наверное, напишу и брошу. Живописно довольно, но как-то скучно. Может быть, сегодня он повеселее (этюд) стал.

Воскресенье, 1 апреля 1962 г., Саратов

...Вчера начал писать Наташу³¹. Пока сделал три наброска, из них один более всего в характере и по остроте – приятен, второй я записал сегодня другим (с Татьяны³²) и сделал с Наташки ещё. Пока не найду самого нужного в композиции и рисунке, писать не начну. Если найду, то может получиться интересный портрет, т.к. Наташка очень интересная внешне. Вся беда в том, что очень легко впасть в шаблон. Временами она как картинка, и это меня отпугивает, а острые моменты почти неуловимы. В среду продолжу поиски и, может быть, в следующую субботу начну писать. Работа над Алешей меня многому научила и ещё научит, т.к. я еще его продолжаю писать. К тебе я приеду завзятым портретистом. Хотя я не сделал еще ни одного, но обещание какое-то есть.

2 апреля 1962 г., Саратов

...Я уже успел много сделать тебе большого, может быть будет и ещё большее, но это не потому, что я не хочу уберечь тебя от неприятного, а потому, что я действительно не могу быть кристаллом, потому, что я слаб разумом, наверное, и нет у меня воли. Воля та, которую я наблюдаю, например, у Николая Михайловича, меня не устраивает, ко мне она не привьется. Это воля «сильного» человека. А я могу только любить и позволяю поэтому часто выкручивать себя. Мне только не все симпатичны. Это меня спасает. Драться я могу до последнего не за себя, а за свою любовь (ты ли это, друг или живопись)... На днях я буду собираться. Надо будет заготовить грунты. Потому, что осталось немного времени. Для меня, во всяком случае, июнь подойдет незаметно, хотя и кажется порой, что время остановилось. Работы у меня уйма. Три дня я писал вместе с компанией Чижиковой (в Музее, внука В.А. Серова – Д.М. Серова, преподаватель в консерватории). У меня, кажется, кое-что получилось интересное в смысле портретном. Н.М. даже настаивает, чтобы я на время оставил свой прежний метод и поработал вот именно так, как сейчас. Нонна³³ сегодня увидела и предложила мне написать с неё портрет. Я не ожидал такого успеха, потому что этюдик в смысле живописи более чем скромный, но тонально решен хорошо и в композиции. Может быть, и впрямь мне серьезно поработать над портретом. Ведь когда-то я мечтал работать над портретом и пейзажем.

17 марта 1962 г., Саратов

Все эти дни скучища жуткая, главное оттого, что ничего не делал недели две уже. Дни тяжелые, весенние. Устаешь просто от времени. С утра писать не удается...

Вчера ночевал у Валентина Израилевича³⁴, уснули мы, наверное, с ним в 3 часа. И разговор-то вначале был такой скованный, а потом он как-то затравил меня. Рассказывал ему о некоторых понятиях искусства. Он во всем хочет найти математический (философский)

³⁰ Солянова.

³¹ Наталия Ляшенко – сотрудница музея.

³² Татьяна Павлова – студентка СГУ, племянница директора музея В.Ф. Завьяловой.

³³ Нонна Валерьевна Огарева – искусствовед, научный сотрудник Музея.

³⁴ Валентин Львович Израилевич – математик, преподаватель СГУ.

закон. Я ему сказал, что одними законами в Искусстве не обойдешься, целый кодекс нужен, с бесконечными белыми страницами. И вот доказательства отняли всю ночь.

Лето 1962 г., июнь (июль), Саратов

...Вчера в Саратове было совершенно невероятное событие. Ты, наверное, не поверишь мне, но клянусь, всё истинно. Вчера я с Володей делал обход в Западном отделе. Появилась группа людей, которые сразу выдали себя. Это были – художники из Москвы. Люди разных возрастов, много женщин. Начали восторгаться Петровым-Водкиным, Кузнецовым, Борисовым-Мусатовым и т.д. и упростили Наталию Ивановну³⁵ показать «запретных» художников. Она вытащила им Машкова, Лентулова и др. из запаса. Словом, мы познакомились, они пригласили нас на пароход посмотреть их работы. Когда мы пришли, оказалось, что все они (почти поголовно) абстракционисты, кубисты, одним словом, левые. Невероятно то, что они четвертый год работают в студии, организованной художником Белютиным в Москве, второй год снимают пароход и плавают по Волге. Живут коммуной, работы все вместе валят в одну кучу, готовы со всеми поделиться своими достижениями. Это так было неожиданно, тем более что в Москве я ничего не слышал о них. Они пытались устроить выставку, но открыта она была только полдня. Все-таки как это невероятно, особенно, когда Завьялова чуть ли не каждый день твердит о том, что-де старое все же незыблемо и мы должны не свихиваться. За два часа до отплытия парохода произошел случай, который доказал простодырам москвичам, что Саратов есть ещё тот Саратов. Пришли две дамы и начали извиняться перед Н.М. (мы были на пароходе), что они не смогли попасть к нему (они условились придти к нему на квартиру посмотреть его вещи), так как их забрали в милицию на улице. Саратовская власть не дремлет: абстракционизм у нас на прицеле. А что они за люди – проиллюстрирую: среди них нашлись такие, которые нашли даже Ник. Мих. допотопным старичком, давно вышедшим из моды со своей живописью. Мою картинку заметили, сочли очень приятной, но тоже старорежимной. Это – справедливо. Теперь я думаю, что мне будет очень легко, если я сумею одолеть абстракцию сам, один, в чем, впрочем, я совершенно не уверен. Второй год я подошел к рубежу и остановился. Теперь или я одолею абстракционизм, или скачусь в болото. То, что они делают, в сущности, не идет дальше того, что делалось уже с 1910 года в России до 30-х годов. В прошлом году я как-то поддался общему давлению и начал скатываться к компромиссу. Теперь я вижу, как я застопорился, и боюсь, что дорого мне придется заплатить за отступничество от своей программы. Ведь я уже в 59 г. подходил к кубизму. Это было в моей программе самообразования, а Н.М. вдруг решил, что нам с Виктором следует остановиться и сделать что-то компромиссное, я теперь так раскаиваюсь, что послушал его. Хватит с меня его руководства, теперь я только советуюсь с ним, потому что он уже заявил, что хватит с него живописи, старое надоело, а абстракцией заниматься поздно. Он прав... Вчера настроение у меня все-таки пошло в гору. Приятно сознавать, что не всё на Руси убито. Дуботолы нахальны, но они сами себя секут.

8 декабря 1962 г., Москва

...Я уехал в Москву 3-го, в 10 часов, приехал в самый момент разгара страстей вокруг выставки художников МОСХа за 30 лет, на которую были собраны многие вещи художников, считавшихся раньше формалистами, но в последние 2-3 года ставших уже классическими именами: П. Кузнецова, Р. Фалька, Лентулова и менее известных мастеров. Успех (в большинстве уже покойных) мастеров вызвал такую злобную реакцию со стороны наших академиков, которая привела к тому, что началась новая волна самого глупого и самого непристойного фарса из того же репертуара, которые разыгрывались и раньше. Если ты читаешь газеты, тогда ты должна кое-что знать. Я скажу только то, что в печати не появится. До посещения Хрущевым выставки в «Комсомолке» была статья о «многочисленном хорошем и разном», где тепло было сказано о Кузнецове (хотя на выставке его вещи слабые),

³⁵ Оболенскую.

Фальке, Лентулове и о молодых Андронове и Никонове. И сразу после того как эти нечистоплотные «реалисты» типа Бородина и Новосельцева охмурили Хрущева (а я убежден в том, что все это было подстроено, и Хрущева обработали предварительно, так же, как и намеренно были выбраны ничего не значащие вещи Кузнецова и мало выразительные вещи других), разразился такой поток выступлений и статей против абстракционизма, который ползет как блевотина, потому что, кроме демагогии, ничего в этих статьях серьезного нет. На выставке не было ни одного абстрактного произведения, и тем не менее люди перепутали все и решили, что Фальк – абстракционист, а между тем его Пейзаж («Сена в Париже») – вещь классическая и единственная на выставке классика (из живописи). «Обнаженная» сильно написана, но это не классика, как и несколько еще других его вещей (3 портрета и натюрморт). А теперь около Фалька пробка (смотреть невозможно). Просто смех, но Никита Сергеевич заставил теперь всех внимательно посмотреть, кто же такие Никонов, Андронов, Пологова и др. На другой день после посещения на выставке произошел скандал. Объявили, что в зале откроется дискуссия под председательством А. Гончарова («Дискуссионный клуб»). Что там было, я напишу позже. Но все, кому наше искусство по-настоящему близко, возмущены. Всем очевидны грязь и мелочность поступков академиков и нынешних руководителей Союза художников. Все они выкормыши культа, и непонятно только, как правительство наше село в лужу. Ясно, что Андронов, Никонов, Жилинский, Смолины и др. молодые ещё люди и несомненно очень талантливые, но их двигали до поры до времени, потому что по молодости они не пришли в тому, к чему должна была их привести логика художественного развития, а теперь, как только Никонов стал набирать настоящий разбег, ему сразу по зубам. Но эти художники ещё, так сказать, правоверные, а вот те молодцы, о которых я тебе рассказывал (были у нас в Саратове), те вообще были сами по себе, но их не сочли даже за художников, именно их вещи смотрел после выставки Хрущев, а среди них есть очень талантливые живописцы, может быть они действительно стали абстракционистами, но вряд ли, так как то, что я видел у них, было очень далеко от абстрактного искусства, а прошло несколько месяцев после лета, и конечно они не могли натворить все до единого – абстракций.

16 декабря 1962 г., Москва

Сегодня у меня был день, насыщенный впечатлениями до предела. С часу дня собрались мы у Савеловского вокзала (несколько человек) и поехали в Лианозово. В Лианозове мы часа два были у Оскара Рабина, который показал нам свои вещи (что-то среднее между экспрессионизмом и сюрреализмом), картины этого года в основном натюрморты на фоне города (бутылка-селедка, две бутылки, три бутылки, цветок и фотография, электрическая лампочка, очки, окно, через которое виден город или улица, или крыша дома с котами, дорожные указатели, цветок на фоне иконы с московскими чудотворцами и т.д.). Но это надо видеть. Написано всё очень крепко, хотя и в одной гамме серо-оранжевой. Мне лично понравились три вещи, остальные ничего не прибавляют к его идее. Сам он очень симпатичен – лысый, худой, но лицо свежее, хотя он не молод. От него мы поехали к его тестю, это уже на Долгие Пруды (собственно, автобусная остановка называется по имени села, название которого выпало у меня из памяти). Это старинная дворянская усадьба, с которой (мне думается) не один бытописатель помещицкой жизни списывал внешний вид. Сохранилось почти как на старинной гравюре. В широкой неглубокой долине – шоссе, по сторонам которого друг против друга село с церковью на гребне холма в сосновом бору и помещицья усадьба в лесопарке, который спускается к прудам, через которые от шоссе идет плотина с остатками деревьев, которые шпалерами стояли по обе стороны плотины. Эта усадьба несомненно строилась по плану архитектора-классика, и мне кажется, это место больше других имеет право быть заповедным. И вот на том же холме вправо от усадьбы несколько домов. В крохотной комнате (метров 9) мы находим трех художников (подлинных), супруги-старики и сын лет 45-50. Все абстракционисты.

Правда, сам Евгений Леонидович Кропивницкий не совсем «чистый» (похож немного на Ивана Никитича Щеглова, как человек), а его жена и сын – уже безусловные абстракционисты. Сын живет в городе (мы еще ходим к нему), зовут его Львом. Оказалось, что Николай Михайлович знаком с ними, и у Льва есть две его вещи, но они его называют поздним импрессионистом. (Я смеялся про себя, когда представил Н.М. – как он будет принимать мой рассказ и их характеристику его, ведь он почему-то никогда не хотел сказать, с кем он знаком в Москве.)

Хочешь знать, как они живут? (Да, Кропивницкий-старший назвал еще 3-х художников очень интересных: Цебина, Пологовского и Харитонова.) Так вот: они живут, как, вероятно, жили все подлинные художники – духом. Работать – негде, даже вещи негде складывать, и все-таки они существуют. Кропивницкий – еще и поэт, и музыкант. Одеваются как крестьяне, и быт весь как у самых бедных, и только комната, в которой книги и великолепные тонкие вещи на стенах говорят о том, что это люди высокой культуры, а когда слышишь, вдруг, как старушка, ничем внешне не отличающаяся от моей матери (портнихи для бедных), тихо беседует с сыном об экзистенциализме (деревня и Сартр), то хочется остаться у них и никуда больше не идти, начинаешь вдруг переживать то состояние, которое испытывал я когда-то перед картинами Рембрандта или в детстве, когда я, набегавшись за день, не знал, куда идти, к матери или бабушке – я любил их равно. Одна московская художница, бывшая с нами, всю дорогу допытывалась, что это такое – экзистенциализм. Вот какие это дебри – Москва, я начинаю верить в то, что это истинно великий город... Я так жалею, что ты не со мной сейчас, ведь такой бурной погоды в искусстве давно не было. В пути и у Рабина только и было разговоров о том, чем кончится сражение между людьми настоящей культуры и узурпаторами академиками во главе с Серовым завтра в ЦК. Говорят, что Н.С. Хрущев кому-то, опаматовшись, бросил фразу: «С Пастернаком мне свинью подложили». Очень долго писать, поэтому лучше расскажу все в другой раз, как здесь проходили события и чем в конце концов это кончится. Мне, да и всем, пожалуй, ясно, что тот бой, который может завтра произойти, внешне ничего не изменит, но сдержит правых. Дело в том, что завтра в ЦК или в правительстве будут заслушаны и правые, и левые, которых представлять будут, с правой – Серов и пр. официозные, а за левых Илья Эренбург и другие известные деятели, которые якобы написали письмо-протест или жалобу правительству на Серова и всю его братию. Скульптор Неизвестный, который примкнул к так называемым абстракционистам, один вел себя умно, мужественно и отстоял честь, в сущности, всех левых. Так как его вещи смотрели позже, то он, возможно, имел время собраться духовно и взять себя в руки. Хрущев ему прямо сказал: «Вы мужественный человек, и я поддержу то, что у Вас “ангельское”, а черта мы постараемся выгнать». Много и таких рассказов, о которых просто нельзя писать по моральным соображениям, тем более что к Хрущеву я отношусь с большой симпатией, после особенно нынешних разговоров. У меня сложилось такое впечатление, что сорвался он совершенно искренне, как должен сорваться всякий человек, который совершенно был убежден, что его кто-то водит за нос, и он решил, что это гады-абстракционисты. А на нашей почве абстракционизм – как гриб неизвестной формы, попробуй сожри его, кто его знает, съедобен он или ядовит, по виду ведь для здорового человека это в самом деле выглядит погано. Как любая новая мода, людям, не живущим модой, кажется всегда дикой. В этом конверте я посылаю тебе сразу три письма. Это в некотором роде мой дневник, так что я прошу сохранить пока эти письма.

26 декабря 1962 г., Москва

Я хотел сразу тебе написать, но очень был занят. Я попал сразу в самый центр абстракционистов московских. (Я писал уже тебе о них немного.) Был я еще у двоих. Сегодня иду в третью мастерскую и за оставшийся один день (уезжаю я 28) должен сходить еще к одному махровому абстракционисту. Но между прочим я встретил художника, который вероятно никогда не будет абстракционистом по убеждению и по духу, но делает близкие к абстракционизму вещи (как эксперимент), он мне очень понравился, возможно, мы

сойдемся поближе. Этот вояж дал мне невероятно много всяческой пищи, «главное» я, кажется, понял. Если по приезде начну сразу и серьезно работать, то сделаюсь настоящим художником.

27 декабря 1962 г., Москва

Завтра я уезжаю, поэтому на всякий случай зашёл на почту и получил твоё ласковое письмо. Не убивайся ты ещё по Ируське, пока нет причин. Я убедился в том, что ей в интернате лучше. Ведь в сущности она не помнит того далёкого и смутного времени, когда она была маленьким весёлым огоньком. Страшная черта разрешила её сознание, и пока ещё не удалось мне установить, помнит ли она, что было у неё и кругом до болезни. Вряд ли она помнит, слишком мала была и слишком сильное потрясение, ведь тогда речь шла о жизни и смерти. Смерть она победила (тогда это было маленьким утешением для меня). Ну, а теперь никуда уж не денешься. Единственно, за чем надо теперь следить, чтобы душа и разум её не были искалечены. Если бы она была с нами, я был бы самым счастливым. У меня есть инстинкт, не говорю умение, к воспитанию. Может быть, она была бы не так ухожена в смысле чистоты физической и во всех бытовых мелочах, но душу ее я сделал бы золотой, такую, как у тебя. Тогда бы она может быть и не так была бы несчастна. Кажется, она неглупая, но черты мамино характера иногда в ней сказываются. Сегодня у меня вообще счастливый день, 3 письма: от тебя, от Гены³⁶ и от Ируськи, сама написала в ответ на моё. Рад и тому, что прислала она мне из интерната, а не из дому. Верно, без участия матери, т.к. адрес написан незнакомым почерком. Просит привезти ленты, мандарины и конфет «Мишки» и «Красная шапочка», т.е. как раз то, что я не могу найти. Тебе я все-таки исхитрился купить подарок крохотный – безразмерные перчатки, но не знаю только, к чему они тебе там; приедешь – получишь, а если хочешь, то пришлю. Жизнь вздорожала настолько, что я израсходовал почти все деньги – и зарплату, и командировочные только на жратву. Ем я, правда, много.

3 января 1963 г., Саратов

...Потом у нас было очень интересное собрание или встреча (что-то неопределенное по форме) на набережной³⁷. М.П. Котов (предс. Союза писателей в Саратове) был («от всей Волги») представителем на достопамятной встрече деятелей культуры с ЦК. Так вот, он рассказывал, как там «происходило». Рассказывал он, как для дурачков, возмущался, негодовал на абстракционистов, и тон его был настолько угрожающим в иных местах, и падали его речи на такую почву, что когда я задал «простенький» вопрос, то он попытался «по-простецки» ответить. Но тут кое-кого прорвало, и его начали просить ответить. Но ответить он не мог, т.к. его демагогический пыл поддерживался только магией прошлого страха. Нонна³⁸ в перерыве просила меня: «Не вздумать выступать» – «Разве ты не знаешь, что это за сундук?» Я не знал Котова, но теперь тоже не могу сказать, что знаю его, но все-таки кажется, что это те самые, которые и были деятели культа. А вопрос я ему задал так: «Где граница между натурализмом, реализмом, импрессионизмом, абстракционизмом и как народ практически нас (т.е. художников) разбирает, оценивает. Что значит – народный вкус и т.д.», так как он в своей беседе бесконечно говорил «Для народа», «Народный здоровый вкус» и т.д. Он ответил: «Ну, вот Репин и Татлин, кто знает теперь через 30 лет, кто такой Татлин?» Я конечно знаю, что такое Татлин, но я сказал, что не знаю – потому, что не видел его и возможно, что он действительно ничего из себя не представляет. Ну, а если брать нынешних, которые одинаково известны? Чтобы их оценить, надо видеть. Значит, надо показывать. Он спрятал голову, хотя Моисейкин и еще кто-то начали кричать: «Отвечайте!» Как удобно прятаться за народ. Меня всегда возмущает такое наглое жонглирование понятием «народ». Обвиняют такие деятели в неуважении к народу, а сами считают его за

³⁶ Брата М.Н. Аржанова.

³⁷ В Выставочном зале, на Набережной.

³⁸ Огарева.

стадо. Это и не по-ленински, не по-марксистски. Это так глупо, вульгарно, что просто силы нет, и думаешь, к чему такие молодцы приведут народ, каждый в своем околотке. Никто абстракционистов не понимает, и я в том числе. Но я также твердо знаю, что через какой-то искус мы должны пройти. И все должны увидеть, что это не то. Тогда это будет самой убедительной критикой. На искусство нельзя ни нападать, ни защищать, его надо учиться понимать. Разумеется, я не имею в виду явления социологического искусства. Содержание, враждебное нашей идеологии, не может иметь места – это само собой. Очень долго говорить о таких вещах в письмах, поэтому я кончаю. По поводу статьи Новосельцева (прилагаю вырезку) Архангельский спросил у Боброва, как она вяжется с тем решением, которое было принято на специальном заседании правления с членами Секретариата РСФСР, не вызвано ли оно конъюнктурными соображениями? Новосельцев сидел молча. Я мысленно пожал Архангельскому руку.

12 января 1963 г., Саратов

...Большое тебе спасибо за фотографии и рисунки, особенно за Любашин. Ируська уже так не рисует. Не знаю, что происходит с человечком. Бессознательно они почти всегда делают изумительные вещи, а как только вырастают – всё куда-то исчезает, начинают уже не рисовать, а рассказывать и пересказывать, свое отношение пропадает и они начинают изображать то, что видели где-то и уже взятой напрокат техникой...

Тяжелы минуты и часы вечером, но теперь я начинаю работать и, думаю, задавит она и вытеснит все, мне бы только избавиться от бесконечных и ненужных уже разговоров об искусстве, которые ведут теперь все и везде. Я понял всё и благим намерениям (ничьим) не верю. Миром правят гнусные, обветшалые, бессмысленные законы. Политика – сплошной маразм. Человек, вероятно, почувствует благо только тогда, когда отпадет нужда в бюрократах, в этой громоздкой неуклюжей машине государственности; нужна математическая, бесстрастная машина, которая будет управлять хозяйством, тогда все грязные политики должны будут стать или откровенными бандитами, или людьми.

Я прочел сегодня два интересных стиха Б. Слуцкого. Пересказывать не буду, но пришло, они, кажется, не печатаны. Ещё на столе у меня лежит, кажется, тоже интересная книжица японца Акутагавы Рюноскэ «В стране водяных». Если попадется – прочти. Я боюсь, что ты от многого там отвыкнешь, поэтому жми на музыку, чорт с ним, с немецким, и прочими. Немецким займемся, когда будем вместе. В Москве (не помню уже, кто) читали речь Камю, произнесенную им при получении Нобелевской премии. К сожалению, я знаю только кусочек, да и то плохо помню, но впечатление оставило чтение у меня такое, что на Западе нашим друзьям хуже, чем нам. Там им достается с двух сторон. Писатели и художники такого толка, как Альбер Камю, сами по себе. Камю в этой речи излупцевал и правых, и левых. Возможно, что она есть и в Саратове. В «Иностранной литературе» должен скоро появиться его роман. Если ваша библиотека выписывает этот журнал, то познакомься с ним.

Н.М. сейчас со мной почти нежен, снова начал строить планы насчет Марфутки и даже насчет того, что можно было бы поселиться на юге, купить домик, завести кур и кормиться и работать для своего удовольствия, в компании друзей только. Я посмеялся: у меня планы хоть трудные, но осуществимые, а у него вообще фантастика... Н.М. провозглашает свою свободу и для себя; должен ли я принять его принцип? По его же логике – нет. А он судит и рядит по своим принципам. Почему прав христианин, а не мусульманин? Почему я не имею права сбросить груз (и проклятие) веков? Это может быть мне не под силу, но почему не попытаться? Можно свернуть шею. Но право (как личность, себя утверждающая) я имею.

Я знаю, он будет возмущен, если, воспользовавшись его понятием свободы, наступишь ему на мозоль. Но это доказывает только то, что и его принцип еще в декларации больше, т.к. в одиночку не сбросишь этого груза веков. Идущие с поклажей возмутятся и

задают тебя. Вот поэтому и у гордого, и смелого можно найти лицемерие, если он хочет побыть хоть немного без поклажи среди обремененных...

20, 28 января 1963 г., Саратов

...Я тут подрядился давать уроки рисования в университете на Геофаке. Весной очень нужны будут деньги. Я снова думаю устроить отпуск за свой счет, если, конечно, не сорвусь вообще из Саратова. Может быть, ты подумаешь, куда можно бежать? Напиши в Ср. Азию, у тебя там кто-то есть?

...Сегодня 4 часа провел в СГУ – заочникам геофака давал урок рисования. Устал, наверное, зверски, оттого и тупость. Теперь думаю, что я сдуру согласился на эту работу. Деньги – 1 рубль в час. Заработаю я полсотни, а напряжения и нервов – вдоволь. В школах как будто нет уроков рисования. Они никакого представления ни о чем не имеют. Впрочем, с них и нельзя спрашивать, в большинстве это пожилые люди. Человек пять офицеров, один – герой. Работать я их заставил усердно, но чувствую, все-таки они бестолково все делали... Иногда мне представляется, что я не доживу до счастья, что его уж не будет. Все боюсь, вот что-то у меня оборвется и конец. Я стал поглядывать на зеркало, потому что раньше я не чувствовал на себе поступи годов, а теперь все чаще думаю; осталось так мало, и если и дальше все будет так же, как сейчас, то я ничего уж не скажу. Я дошел в сущности только до азбуки искусства, до понимания каких-то основ, а ведь надо найти свое место. Я не говорю о желании, которое присуще только гениям, которые поняв все – все и отринут и делают свое. Но так хочется хоть приблизиться к тайне, увидеть отблеск, мираж, сон...

Если только я не налажусь в смысле живописи, то будет тоска смертная... Придумай что-нибудь, я теперь, надеюсь, не буду занимать себя иными задачами, кроме живописных. Теперь у меня композиция и рисунок – это две точки, которые надо одолеть. Я так долго плыл по волнам, что боюсь, не сумею удержать себя в ученических шорах.

24 января 1963 г., Саратов

...Последние дни эти мы думали только о Николае Михайловиче...³⁹ Я собрал деньги с нашей «элиты» и купил маленький этюдный ящик с треногой (вроде моего, только вдвое меньшего формата), завтра мы вручим ему этот подарок. Сейчас я сидел и придумывал новые фигурки (художественные) для шахмат (мне пришла в голову мысль – дощечку в ящике превратить в шахматную). Несколько фигурок я придумал и попутно открыл кое-что новое для рисовальщика (по мелочи, конечно). Очень интересной получилась у меня голова короля и кое-что другое. Я никогда не забавлялся, а занятие это не бесполезное и интересное. Законы обобщения и стилизации здесь необходимо найти, чтобы сделать художественно и интересно...

Если эта зима меня не доломает, то может быть я еще и сделаю что-нибудь... Вчера я рисовал с Наташки Л., но измучился днем, так туго у меня рисунок идет...

Конец января 1963 г., Саратов

...Все дрызги мешают работать, я фактически ничего не делаю, а если делаю, то топчусь на месте. Новое не дается просто, обязательно надо втравиться, надорваться и изломаться. Возможно, судьба бережет меня из-за моей слабости? Не хочет, чтобы я был распят, как распинают себя настоящие большие мастера. У меня была потенция, которую я чувствовал лет до 35, теперь я её не чувствую, я уже действую в силу инерции; если я не обрету веру в себя, то инерции надолго не хватит и тогда доживать...

8 февраля 1963 г., Саратов

...Последние события: Ник.Мих. с 6-го (т.е. уже два дня) как не работает. Переживает он трудно. Но и работать он уже перестал, а работы в Музее не убавилось, хоть штат и сократили... Он жизнь понимает иначе, а главное, последние годы просто прожигает. Мне

³⁹ Проводы на пенсию Н.М. Гущина.

это рановато. Володя⁴⁰ и тот рад, что наконец-то можно как-то быть спокойнее, потому что, сама знаешь, каков характер у старика. Уважение наше к нему и благодарность за уроки (художника) остаются, но без конца учиться нельзя, пришло время освободиться, об этом мы уже говорили в Борогонцах.

Теперь мы решили каждое утро писать. Вчера я уже сделал один натюрморт (правда, писал ночью). И работа у нас музейная идет...

Сейчас в Москве выставка Леже и предполагается Гуттузо, так я должен съездить. Затрачу я рублей 40-50, но это доступно, а можно даже уложиться и в 30 рублей.

Понедельник, 18 февраля 1963 г., Саратов

...Я как будто начал писать регулярно. Сделал три маленьких натюрморта с рыбок. Начал еще один натюрморт. И так далее, думаю, будет идти, если не будет какого-либо непредвиденного возмущения. Пока настроение у меня скверное. Не хочу изводить тебя нытьем, но временами готов бросить всякую живопись. Настоящего большого мне не сделать, а все эти упражнения не получают развития. Я почти топчусь на месте. Может быть оттого еще кажется, что я слишком упустил много времени. То, что я делаю сейчас, мне кажется, я давно уже должен был это уметь. Глуповатым художникам легче, они верят в себя и достигают больших результатов. У меня бесконечные сомнения и пересмотры путей. Теперь я смотрю на свои старые (иные) вещи с некоторым удовольствием. В них по крайней мере есть искорка святого неведения и веры. А сейчас я чувствую и знаю, как мало я умею и знаю. Все-таки – нытьё.

Получил твои письма... да еще и перевод (вчера) на 20 руб. Денег мне теперь хватать будет. Я уже тебе писал, что получаю 120 рублей. Так что не транжирь и копи. Я не умею, да и соблазнов здесь много. Вот мне обязательно надо ехать в Москву, посмотреть Фернана Леже. Книги великая вещь, но еще лучше собственные глаза... С ружьем дело сложное?⁴¹ ...Если я пишу ночью, то просыпаюсь только к рабочему времени. Иногда меня будит Пугаев⁴² или Володя. И, вообще, когда я пишу, то даже за обедом не оставляет меня «идея». Поэтому так медленно у меня все дела проворачиваются... У нас открылась выставка «25 лет Саратовского Союза художников», и снова началась мышьяная возня. Николай Михайлович и Володя забрали свои вещи, мою решили оставить, но в субботу еще мне сказали, что все правление требует снять мой пейзаж и Юстицкого. Просто идиотизм. Это доказывает, что и основ-то живописи они не понимают (правленцы), а что касается сюжета, то лошадок и тележки делает сам Новосельцев в духе поздних передвижников, и тот же Фомичев на обратной стороне представлен лошадами с обыкновенными розвальнями. У меня же сюжет вечный – деревья и кусты и настроение есть. Значит, плоха форма – может быть, но только не в сравнении с ними. На этой выставке нет снова лучшего пейзажа (а за 25 лет), если исключить Щеглова, а я ему не уступаю, недаром Иван Никитич до самого своего конца расхваливал его и рассматривал. Он – пейзажист и живописец.

Вторник, 19 февраля 1963 г., Саратов

Вчера я отправил тебе письмо, не хотел распечатывать, а надо было дополнить. Дело в том, что пока я смывал с себя недельную грязь и стирал белье, наверху шло заседание выставкома, очень бурное, так как решали вопрос, снимать Юстицкого, П. Кузнецова и известного тебе Аржанова или не снимать. Музей в лице Н.И. Оболенской, В.Ф. Завьяловой и художники Бобров и Жуков хотели отстоять, но так как банда была большая, то проголосовали и сегодня преподобную троицу сняли. В отношении меня – это бандитизм, у них нет аргументов, и сработал механизм голосования, как в ООН. Лично меня это не затрагивает, но принципиально я, да и другие, просто в недоумении: что же такое реализм, если мой добропорядочный пейзаж считается уже не реальным? Сам факт неучастия в этой

⁴⁰ Солянов.

⁴¹ Якутский охотник попросил М.Н. Аржанова отремонтировать его ружье в мастерских Саратова.

⁴² Пугаев Владимир (Вилен) Григорьевич – директор Радищевского музея.

выставке тоже еще ничего не говорит, но я думаю, на этом они не остановятся, и возможно меня вышлют из Саратова. Не удивляйся. Есть некоторые предположения на этот счет, которые строятся на некоторых непонятных действиях, наблюдаемых в художественных учебных заведениях. В Московском институте имени Сурикова исключили несколько студентов, у нас в СХУ тоже исключили двоих с 5 курса и одного с 3 курса. Я думаю, что какие-то мудрецы придумали (применили) давно известную целую программу репрессий в новой форме. Посмотрим, как будет все это развиваться дальше. Потихоньку можно жить конечно при всяких обстоятельствах, но я уже не могу. Мне и раньше не терпелось, а теперь я просто не в силах видеть всех прохвостов, которые, прикрываясь демагогическими фразами, душат всё живое, объявляя не советским, не нашим. Протаскивают и защищают натурализм и всякие обветшалые формы под флагом борьбы с абстракционизмом. Закрывают глаза на то, что самое реакционное течение в Америке как раз и есть натурализм, который используется там именно для официальной империалистической пропаганды. Абстракционизм не может (в силу того, что это – оружие, которое не стреляет) служить для пропаганды и агитации только потому хотя бы, что он вообще ничего, кроме игры форм, не выражает. Другое дело – сюрреализм.

А у нас свалили все в одну кучу, назвали абстракционизмом и давай ломать, а в провинции особенно.

Во Франции есть художник Лапужад, который ташистским приемом (т.е. пятнами) делает, как он сам говорит, реалистические картины. Это, конечно, натяжка, но я хочу сказать, что все методы могут быть использованы в интересах человечества и против него. (Атом – например.) У нас же объявлена война всякой новой форме. Если форма не натуралистична, то, несмотря на её содержание, картина уже объявляется неприемлемой. Это по меньшей мере – реакционно, а если сказать так, как думают настоящие художники, вообще губительно для искусства. То, часто наблюдаемое механическое заимствование заграничной формы, конечно, глупо, но разве можно, например, подводить под эту категорию П. Кузнецова или Петрова-Водкина, которые идут от нашей земли, от истоков русского искусства. И этот «лисий хвост и волчья пасть» – Миловидов прекрасно это понимает, но из шкурных соображений говорит и творит обратное. Мне обидно, и я начинаю терять доверие к тем партийным работникам, которые полагаются на таких прохвостов (он же виноват в том, что И.Н. Щеглов отсидел в тюрьме – стариком! – четыре года). Он козыряет тем, что он был какое-то время на фронте, хотя уже в 42 году он уже учил нас.

...Очень много колготы, сегодня не удалось пописать. И, вообще, вероятно будет снова эта нервотрепка. Еще действует погода, у нас тает, такие дожди, как весной. Февраль. А у меня отказывается то одна нога, то другая. В морозные солнечные дни я чувствую себя отлично, ты знаешь, но таких дней в году иногда бывает очень мало. А как я любил эти воздушные тающие дни и ночи...

Читаю очень интересный (поначалу) роман Белля «Бильярд в половине десятого». Найдешь, прочти. Как с музыкой?

13 марта 1963 г., Саратов

...Твои 20 рублей я мигом истратил на репродукции и книгу... Ружье почию, успокой Максима. Мне некогда писать, потому что я пишу. У меня запой, ты понимаешь это? А потом, эти бесконечные сейчас теоретические и политические вопросы. Совещания, обсуждения и разговоры. Вчера, кажется, единственный раз в этом году я выбрался на концерт. Нет, вру, был ведь еще как-то, я помню Шопена, которого ты играла...

23 марта 1963 г., Саратов

Никуда не уехали ты да я:
Обернулись прорехами – все моря!
Совладельцам пятерки рваной –

Океаны не по карману!⁴³

...не сердись, что мало пишу (точнее – редко). Весна у нас запоздала – всего дня 4 как сбросили одежду зимнюю. Сегодня 23, а лед ещё стоит и стоит жара второй день. Снег сошел сразу, просто испарился, а было его так много. И теперь вот сразу уйма дел. Главное корабель – стоит он у самой воды, надо успеть хоть что сделать с ним, а заботы другие я по боку сейчас. Философия лезет еще по инерции, иногда дичайшая, но думаю, лодка меня вылечит. И скорее бы встретиться, и жаль уводить тебя от океанов и оленьих глаз...

Апрель 1963 г., Саратов

...Теперь о твоей мечте. Ты не представляешь, как это всё заманчиво, но совершенно нереально. Нереально потому, что денег нет. Сейчас я тебе докажу... Путешествие по Волге после Лены, я думаю, не доставит удовольствия и вообще я боюсь «отравиться» Сибирью. Будешь всю жизнь вздыхать по красоте недоступной. Но очень хочется, конечно. Только одна беда – деньги. Я разучился добывать их. То, что я теперь получаю, пока мне не хватает. Правда, я купил несколько дорогих репродукций еще, но зато какие это вещи! Купил инструмент столярный отличный, купил маленькую канистру и еще себе шерстяные носки. Больше пока ничего не могу скопить... Да, вот ещё: постарайся все-таки привезти из подлинных народных изделий, что сумеешь, чароны, туеса. Я веду себя очень смиренно, хотя всё вокруг художников бурлит. Завьялова очень боялась, что кто-нибудь из музейщиков выскочит и «ляпнет» что-нибудь. Припомнила мне снова Карташова. Но я сказал, что этому демагогу я сказал бы то же самое и сейчас. Меня спасает мой музейный пейзаж. После того, как его вынесли с выставки, к Наталии Ивановне стали захаживать все, кто раньше вообще не интересовались местными изделиями, и все удивляются, что не находят в нем ничего формалистического. Наталия Ивановна говорит, что он всем нравится, а вынесли потому, что не вещь плоха, а плох художник, а плох он потому, что и т.д. Я всё смотрю на фотографию твою и думаю, что неужели ты на самом деле цветешь так, как на карточке. А я пережил весну свою вторую без тебя. До февраля я выглядел отлично (ссылаюсь на свидетельства других), а сейчас я ужасен. Приедешь – будешь косить в сторону. Но все-таки я дожид до весны. Очень туго, правда, она идет. Почти середина апреля, а на Волге толстенный лед, в городе масса льду и снега. Только эта неделя запахла весной, все холодно было...

Сплю я на холстинах на реставрационном столе, как оперируемый, в корчах. Но это все ерунда. Главное все-таки свобода. А свободен я пока только в мастерской. Табличка «Вход воспрещен» – вещь отличная. Друзья доступ имеют, но я пока ограничил и друзьям вход. Очень много проблем. А главное не решается ещё. Главное – найти себя. Если бы не было вокруг столько преуспевающих идиотов, то у меня бы не достало духу держать себя в таком напряжении, в котором я был все время, как приехал от тебя.

Н.М. заходит изредка, а я к нему не хожу вовсе. Это свинство, но пока я не могу смотреть его вещи. Он мои смотрит как будто с удовольствием. По крайней мере всё хвалит. У него ещё многому можно учиться, но лучше мне пока оторваться начисто от всех.

Начало мая 1963 г., Саратов

Вероятно я болен – психически. Может, я слишком рано начал писать, но был позыв, а начать не начал, потому что этюды надоели, да и ни к чему, а на серьезное я не способен

⁴³ Письмо начато строфой М. Цветаевой – как ответ на обсуждаемые в предыдущих письмах (опущенных) планы о путешествии по Лене на лодке, затем – о поездке к океану и т.п. Обсуждение продолжалось и в цитируемом письме, но в конце М.Н. «подвел черту» – снова:

– ...Нужна уйма денег. А если еще ты будешь без денег, то придется утешиться следующей строфой из выше цитированного:

Нищеты вековечная сухомья!

Снова лето, как корку всухую мять!

Обернулось нам море – мелью:

Наше лето – другие съели!

наверное. Два дня что-то толкалось в голове, а потом вдруг ушло и осталась горечь и вот эта гнуснейшая тоска. Я искупался в понедельник (+ 10°), на время парализовано было колено у правой ноги. Мне кажется, что в один прекрасный момент я развалюсь и будет у тебя обуза, а впрочем нечего гадать, прости, что пишу одни жалобы. Но ты просишь, чтобы я не боялся писать тебе всё. Пишу, потому что тоска ли, или еще как назвать – не знаю – но снова что-то давит. Может быть просто – живу без радости... Я никуда не иду. Ничто не зовет. Всё делаю остервенело, но равнодушно. Писать не могу – ничего не волнует по-настоящему. Никому не завидую. Виктор не пишет, другие мне почти неинтересны.

Н.М. как-то почужел для меня. Всё гнусно кругом. Сегодня был просмотр в кинохронике. Бразильский фильм «Плата за обет» и документальный французский (исторический) «Короткая память». Интересные обе и все равно – тоска. Вчера тоже смотрел хороший фильм «Пароль Виктория» (итальянский). Всё как во сне.

Получил твои портреты с девочек; характер выражен хорошо, а формы – нет.

Форма – это, собственно, и есть – искусство. В Москве была выставка югославских примитивистов – художников из народа, крестьян. Колоссальные картины. В № 4 журнала «Творчество» за 63 год есть несколько репродукций. Посмотри. Эти картины меня расстроили. Просто удивительное мастерство и в композиции, и в рисунке, и в цвете.

Воды в Волге – невероятно много. Марфутку возможно снесет или снесло. В субботу проплыл на яхте, увидел, что сарайчика нет, а «самое» затоплено больше чем на метр. Два дня дует восточный ветер. Волны могут снять её с основания, и бьют еще пароходные волны. Если удастся, перетащу её на Гуселку или ещё куда-нибудь⁴⁴. Лодка в воде. Боюсь, найду ли её на месте. Якорь слабый. На лапе у меня рана – в воду нельзя заходить.

8 мая 1963 г., Саратов

...Сегодня – 8 – день рождения Ируськи. 5 дней я невылазно просидел на Волге. Лодку я ремонтирую капитально, поэтому нужно было достать дубовый чурбак, изогнутый определенным образом (на это ушло у меня несколько вечеров), и прочие материалы. От работы только устаешь, а когда чего-нибудь нет, то нервничаешь. Еще наверное затрачу недели две на ремонт, но зато лодка более чем наполовину будет совершенно новая. На будущий год я её обошью новыми досками, поставлю новый ахтерштевень и киль, и лодка будет совершенно свежая, причем лучше, чем она была с момента рождения. Проще было построить новую, но меня разговорил Юрий⁴⁵. Он всегда сомневается в моих способностях. А я ему верю. Вывез я столько грязи, что просто не верится, как в такой маленькой посудине столько может прятаться хлама. Разборка всяческих заплат отняла у меня больше половины времени. Скоблить мне помогали Слава Лопатин и Саня Санников⁴⁶. Главное я уже сделал. Сегодня всё ноет, но эта усталость мне на пользу. Нервы у меня встали на свое место. За один день я отдохнул, а ведь работал от 6 до 9-10 часов. Прыгал без конца с лодки к верстаку, от верстака на лодку. Но теперь я могу смело строить корабли.

...Меня пропечатали в газете за работой над «Гадалкой со всадниками» и тепереча мне надоть её сдать Фоминой до отъезда. А сегодня мы занялись выставкой новых поступлений. Наталия Ивановна уехала с Наташкой в Ленинград. Н.М. тоже едет и меня предположительно приглашает (если он устроится так, как ему обещают). Я никак не пойму, почему он сейчас очень хочет поработать со мной. То ли ему не хватает духа одному, или скушно. Потом он думает в Пермь податься и тоже меня зовет...

А главное боюсь разбросаться. Этюды надоели, надо поработать посерьезнее...

Ируське я сделал подарок маленький, но очень приятный – двенадцать буклетиков в коробке «Болгарские народные сказки». Текст и картинки очень приятные...

⁴⁴ Марфутку, действительно, в ту весну снесло половодьем.

⁴⁵ Хрусталёв Юрий Михайлович – строитель, инженер-конструктор. Друг М.Н. Аржанова.

⁴⁶ Художники, друзья М.Н. Аржанова.

2-го мая Ируська с Сережкой⁴⁷ меня утащили в «лес», т.е. в посадки (я сделал там этюдик), а они были так рады травке, солнцу в этих жалких истоптанных кустарниках, что мне временами становилось больно, ведь без меня они сироты (в смысле том, что могут отвыкнуть удивляться простым вещам)...

11 мая 1963 г., Саратов

...завтра я снова еду на Гуселку дней на 5... Святое ремесло – корабельный плотник. Я немного передохнул и чувствую, как с меня сошла вся скверна, а ведь в апреле меня качало и трепало так, что всё немило стало. Я умею сам себя лечить пока. И физически я окреп уже.

16 мая 1963 г., Саратов

...Ещё убухал 6 рублей на две репродукции. И всё складываю. Повесить негде, все-таки плохо без своего угла.

Заходил к нам Иннокентий Михайлович⁴⁸. Мы с Нонной⁴⁹ обедали, и он с нами поел. Рассказывал о своих путешествиях. С каким аппетитом этот человек прожил жизнь! Он так поджег меня, что захотелось бросить всё и побродить просто, но тут же я почувствовал, что не смогу просто ехать ловить рыбу и т.д. Без альбома, без красок – не смогу.

2 марта 1964 г., Москва

Рита, милая, прости, что не писал тебе так долго, да и сейчас неохота, у меня очень интересная книга, которую, боюсь, не найду в Саратове. Я занят, главным образом, чтением. Живот беспокоит чуть-чуть по утрам. Стараюсь держать диету и есть как можно больше. Кажется, я стал чуть здоровее. Деньги проедаю страшно. Аппетит – отменный, даже страшно становится, а вдруг – рак. Ируська прислала мне письмо, а на другой день получил от Шуры⁵⁰, что она заболела. Послал телеграмму – пока ничего не получаю в ответ. Поправилась или нет – не знаю. Сегодня решил написать тебе и Ируське. Все психованные, и я даже здесь неспокоен. Просто мне нигде нельзя спрятаться. В Музей тоже надо черкнуть. Вчера мы устроили ужин в честь моего сорокалетия. Снова страшно. Лучшая пора позади. Ну, не буду тосковать. Боюсь, что ты едва теплишься, хотя ты и знаешь моё разгильдяйство и невнимательность. Целую, скоро уеду отсюда. Хорошая выставка Голубкиной А.С., другого более путного ничего не видел. Так, какой-то застой, что и летом. <...> Первые одиннадцать дней мы были неустроены. Насилу устроились в гостинице «Южной», после разных хождений в «инстанции». Теперь живём хорошо – отмылись, отдохнули. Ничего всё, но твоё красноречивое молчание меня начинает так забирать, что я теряю всякую видимость спокойствия. <...> Несчастье – это страшно желаемое и... недостижимое. Я бы хотел сейчас обнять тебя и Ируську вместе, но разве это возможно, и мне так тяжело. <...>

Начало декабря 1966 г., Москва

Рит, не обижайся на долгое молчание. Просто здесь не так сразу чувствуешь томительность бега времени. Вот неделя промелькнула, а мне кажется вовсе была пустота. Смотрел Полякова Валентина, потом Петрова-Водкина, сегодня идём в музей ИЗО⁵¹, может, открыли Пикассо (графика и керамика). Вчера были допоздна у вдовы художника Арапова. Она сама ученица Филонова, очень интересная дама. Может быть, мне понадобятся деньги, рублей 100. Кажется, я набрёл на две иконки. Живу я у Ольги⁵² пока что. Очень далеко она живёт, и электричка 40 коп. в день, для меня это ощутительно. Письма же <шли> на Глеба⁵³,

⁴⁷ Сергей Баганов – племянник М.Н. Аржанова.

⁴⁸ Свищев – математик, преподаватель СГУ.

⁴⁹ Огарёвой.

⁵⁰ Александра Николаевна Агафонова – мать Ирины, первая жена М.Н. Аржанова.

⁵¹ ГМИИ.

⁵² Ольга Яковлевна Кочик, искусствовед.

⁵³ Карлсена.

да после отъезда Володи⁵⁴ я, наверное, переберусь к нему. От всех тебе привет (Карлсены и Ольга). Завтра мы должны посетить Лит. музей (по поводу обмена). А ты, наверное, мерзнешь. Здесь третий день крепкие морозы, сегодня до 22. Ольге всё нездоровится. Что-то все бабы стали порченые. Ну, пока. Почитай Платонова. Вечерами хотел работать, но не удаётся серьёзно, так, набросочки делаю. А холст стоит великолепный. За два дня праздников так и не решился писать.

12 декабря 1966 г., Москва

Ещё неделю протаскал в кармане твоё письмо. Сейчас сдам непременно, так как ещё написал домой матери и Ируське, да ещё в Музей. Вечера все заняты, таскаюсь по выставкам. Был вчера на интересной (Есяян), приеду, расскажу. Два дня праздники и ещё выходные рисовал и пробовал писать. Подарил Ольге акварель (ей понравилось, а я рад). Вчера попутно заходил в магазин, ничего путного из обуви нет. Деньги я не получил. Пусть вышлют по адресу на Черёмушки обе зарплаты или я приложу доверенность, получи и вышли, а не то я сяду в яму (долговую). Ну, будь здорова, вредная. Почему не пишешь?

Из дневника экспедиции за древнерусской живописью (ГТГ, ГМИИ, Саратовский художественный музей)

Июль 1967 г.

Москва – Вологда – Вытегра – Ошта – Рокса – Шимозеро

...Роксы. Анна (мать) и Николай (сын). Очень красивое место. Церковь разобрана на дрова местным идиотом, сохранилась ограда из камней. Очень старые сосны (военное кладбище) (ночевали на сене – в бане – вчетвером).

25-VII. Павш-озеро. Выяснилось, что хлеб на исходе, рыбу ловим. Вышли в 12 час., к 5 были вблизи Шимозера.

26-VII. Вепсы живут (2 женщины). Очень красивое озеро. Село брошено жителями (когда-то очень богатое). Дома прекрасной северной архитектуры крестьянской, стоят как в мистической картине, почти все уже с выбитыми стеклами, иные с раскрытыми или обрушившимися кровлями. Первая находка в церкви: икона XVI в., иконы XVIII в.

27-VII. Походы в Каменское и Линж-озеро. (Ничего существенного.) Ноги болят до колен. Левая временами отказывает совсем, боль в колене. Проблема перевозки. Транспорта нет, до Пяж-озера – 35 км. Хлеб только черный (и паек). Молоко и рыба есть. Что возьмем на переход – неизвестно. Живот начинает побаливать.

28-VII. Договорились с пастухами, завтра в 5 ч. выезжаем, одна подвода для икон и рюкзаков. Идем налегке, значит, 35 км до Пяж-озера (село Григорьевское) через Ножму остается вправо. Сделал плот, ловили рыбу до вечера. Кормит нас хлебом, чаем старушка Ефимова Анастасия Михайловна (75 лет).

29-VII. Утро, все озеро в тумане, пастух, молодой парень Валентин ищет лошадь. Увязали иконы, выехали в 7 часов. Дорога очень плоха до Ножмы. Валентин едет сидя на лошади. Мальчики легкомысленно ушли вперед, оставив мне ведро с молоком (с остатками клея, почему и отказались пить), временами приходится придерживать повозку, в молоко сыплется всякая мура, но я все-таки его не выливаю и хорошо, т.к. на привале (р. Ножма) Сергей (который не может есть рыбу) решается пить – пентахлорфенолятом натрия – молоко. Перед Ножмой я километров около 3-х проехал на повозке, от привала попросился на повозку Сергей, скисший почему-то неожиданно, т.к. первые дни он шел впереди. Повозка ушла вперед, последние 11-12 км мы с Николаем брели в совершенном изнеможении. Председатель сельсовета в 7 часов обещал отправить на колхозной машине в

⁵⁴ Солянова.

Пяжелку (поселок лесорубов). Выехали в 9-м часу. По северным дорогам езда в грузовике почти столь же утомительна, как и длинный переход пешком. С сожалением вспоминаю Шим-озеро – это удивительно прекрасный уголок, прямо настоящий музей, никем не учрежденный, но все-таки, кажется, сделанный по замыслу какого-то гениального художника. Озеро с низкими холмами вокруг и островами.

Эти деревни, имеющие свои названия – Каменно наволоко, Конец (Фоминское), Пол-озеро и т.д. Архитектура уже в 35 км не такая, а в Пяжелке уже – ужас: покореженные леса, и новый скучный поселок с худыми изможденными и тоскливыми людьми. Погода стоит очень хорошая. В Шим-озере старший пастух Иван с очень красивым и громким голосом в ответ на мое приветствие поздравил меня с «прекрасной погодой». Жаль, что пришлось оставить большую (200x150) икону со Страшным судом.

Ночевали в Пяжелке... Воскресенья остаток провели в Борисово-Судском. Расспросили насчет лодок и пути... К ночи я присмотрел единственно подходящее по грузоподъемности судно, но оно было в воде. Понедельник, к вечеру только вытащили лодку (гидрометеостанции) из воды. Ветхая. Очистили, вторник сушка, делаю необходимые столярные работы... Начали конопатить... Вторник. Вышли в 7 ч. вечера, «Москва» барахлит. Первый порог. Парни (рыболовы) с ужасом смотрят, как мы весело прем на быстрину. Один ухватил нашу ладью, мы спрыгнули в воду очень неловко. Сергей и Вадим, отправившиеся в Бабаево с иконами, должны были нас встретить за 15 км. В Малом Борисове поэтому нас было трое и лодка не перевернулась... Суда – сплавная порожистая река, почти сплошь каменное русло, очень красивая река, но обмелела сильно. В М. Борисово пришли к ночи. Ребята ждали уже 3 часа, а мы кроме порогов одолели и три наплавных моста. Ночевали на хуторе на левом берегу. Очень уютный хуторок в несколько домов.

Среда. Прошли до Никольского. У самого села после длинного порога срезал шпонку, повредил винт. Лодка еще держится и удивительно, загруженная до отказа, довольно устойчива, хотя ход конечно плохой, но здесь и этой скорости хватает. Местами трудно найти хоть маленькое корыто. Тащим по камням.

Четверг. Проснулся от боли в животе. Ребятки спят около маленького стожка. Вадим в норе. Комарье. Впереди большой порог, на пороге д. Вашино (ободранная)... В этот день была очень сильная гроза.

Много намокло у этих росомах всякого добра, и сами дурни сидели 2 часа на плаще, вместо того чтобы им накрыться.

Пятница. Утром проводили Николая... Без Николая проходили очень длинный, 3 км на 13 м порог, на середине деревня Порог. Жаль, что совершенно нельзя было рисовать. Порог красив и ощущение падения земли очень сильно, так порог извилист. И так, до конца порога, проходим в воде, доходим до Лесопункта. Ужасная столовая, покупаем продукты, направляемся. Медной проволоки я не нашел. Очень милый парень (ученик токаря), восьмиклассник, в 1-м часу догоняет Вадима и передает пластину медную от рубильника, но теперь уже нечем её обрабатывать... У выхода из поселка скучнейшего (как и в Пяжелке) с двумя ребятами-гостями сорвали сеть. Снова ставлю шпонку. В этот день мы прошли очень немного, но еще меньше в субботу.

...Вторник прошли до роскошных лугов возле Куракина – дождь и тяжелое небо, очень красиво, на лугу низкие сеники и стога. Решили ночевать и переждать дождь. Сережа заныл. Шекспира он читал, даже проходя мели, его интересуют только церкви и «прялочки»...

...Среда, утро, где запад, где восток сообразить трудно, но впереди по реке светится небо на горизонте, облака полегче, но ведра вероятно не будет.

...Едем в Ферапонтово... Собираем камешки (краски)... В обед к озеру спускается Николай Владимирович Гусев (муж Евы Гусевой), очень симпатичный человек. 13 лет копирует Дионисия, обедаем, потом идем в монастырь. Неожданность восприятия – обилие голубого – только на третий день я был в состоянии уже отделить гениальные композиции от второразрядных. Никола в правом приделе сохранился хорошо, и к нему приставлена

лесенка (Гусев – работает) – смотрел в упор – рисунок прост и предельно выразителен. Ал. Иванов наверное не знал Дионисия, иначе зачем бы ему так натужно биться всю жизнь, чтобы что-то возратить русской традиции из безвозвратно утерянных тайн. Наружная фреска со сценами жизни Анны (матери девы Марии) удивительно антична, пропорции, силуэты фигур – эллинические.

Вечером идем на Ципину гору, в Оденьево очень радужно встречают нас супруги Бурмагины, Никола и Гета и Слава Сергеев из Череповца. Утром насилу разбудил Славу на ловлю – наловили окуней на уху. Вечером уха. 17 в 12 ч. трогаемся в Красное. Собственно, они все провожают меня почти половину пути (7 км) до шлюза № 4 село Красное. Прохожу от Св. Камня, где мы расстались, мимо села, уютно огороженного осеками, Павшина и, переехав канал, угощаюсь в первом же доме молоком, денег не берут. Бензин тоже не продают, а если дают, то бесплатно. Много уже испорчено, но все-таки встречаются еще люди с исконными северными добрыми традициями.

В Кириллове еще встречался постоянно с двумя женщинами туристками, на пароходе снова вижу их, знакомимся, и в Вологде бродим вместе до вечера в Прилуцкий монастырь и т.д. Вечером Таня Шишова (вторая – Нина – математик и электрик) прорывается к кассе с одной стороны, я с другой, с боем берем билеты в общий только вагон, утром 19 в Москве в шесть часов, в семь сдаю рюкзак в камеру хранения и иду за билетом, слава богу, здесь, на Дербеневской, порядок – в девять я уже с билетом на 21 число. Сейчас в Третьяковку делать отчет. Командировка осталась у Вадима.

Из писем

8 декабря 1968 г., Москва

Тебя погода милует, а меня казнит, поэтому у меня и нет особенных новостей, правда у П. Кузнецова я был; все не успел пересмотреть, так как почувствовал, что он устал. А были мы втроем: Глеб⁵⁵, Оля⁵⁶ и я. Жена Кузнецова – армянка Бейбутова⁵⁷ тоже художница, и мне очень хотелось бы посмотреть и её вещи. На стенах было несколько вещиц и её производства. На этих днях пойду к ним ещё. Кузнецов лучший – ранний, последние вещи – в сущности, хорошие этюды с натуры, взятые очень свежо, и всё. Он почти не менялся на протяжении полувека. Может быть, очень хорошие вещи разошлись, а теперь трудно найти равноценные нашим музейным. Во вторник пойду в Управление договариваться, какое количество мне закупать, а потом снова пойду к нему. Ему очень хочется устроить выставку в Саратове⁵⁸. Схожу ещё к Белашовой, она управляет Союзом художников> (фактически). Если она согласится, тогда напишу письмо в музей или вызову по телефону директора. Сегодня я пожалел, что не взял ботинки, потому что хлестал дождь, а я в тряпочных разгуливал. <...>. Ируська ничего мне не пишет, поэтому я не знаю, получила ли она посылку или нет. Тебе никак не соберусь выслать, отчасти ещё и потому, что не знаю теперь, как «быстро» они пересылаются. Лучше уж привезу сам. Апельсины в центре были, но очередь довольно длинная. Может быть, скоро привезут побольше. Напиши, может быть ещё какой хлеб нужен, кроме яичного> порошка, который мне не попадался. А вот сгущенное молоко без сахара сегодня я видел в одном магазине, но т.к. ехал в город, то не взял, а теперь нигде не попадается. А это стоило бы прихватить, при теперешнем кризисе очень пригодится. <...> Ты не вздумай экономить деньги на еде. Я жру в три горла 5 раз в день, если только есть

⁵⁵ Карлсен.

⁵⁶ Кочик.

⁵⁷ Правильно: Бебутова Елена.

⁵⁸ Выставка не состоялась. В архиве М.Н. Аржанова сохранилось письмо П.В. Кузнецова к нему, где обсуждаются эти вопросы.

возможность. Appetit есть, желудок работает довольно сносно, но устаю я к вечеру иногда от погоды, и поэтому никуда не иду. Смотреть почему-то мне ничего не хочется, а писать охота есть, но по-настоящему (дома). <...> Приеду я 18 или 19, это будет суббота или воскресенье, я дам телеграмму, ты меня встреть, так как вероятно у меня будет порядочный груз, а рюкзак я не взял. Когда получишь это письмо, там останется до приезда дней 10. Дни очень короткие, тёмные, слава богу, хоть тепло. Вообще декабрь хорош для сказок около камелька.

Относительно художественной жизни ничего сказать не могу, т.к. выставок скандальных не устраивают, и вообще что-то мало интересного. В Доме художника – «Художники книги» детской, кажется (не был), в Салончике – «Татевосян» – до 20-х годов были интересные картинки, а дальше всё вспять. В Манеже – «Игрушка», ещё не был. Где-то «Плетеная мебель» одного поляка. По разным клубам что-то есть, но идти после работы разыскивать не хочется. В студии МОСХа выставочки устраивают на свой страх и риск даже абстракционисты (дня 3-4 висят, а иногда и того короче). Одну такую выставку я не успел посмотреть. Только узнал, поехал, а её уже прикрыли.

«Филумену Мартурани» я посмотрел. Очень хорошая картина, ещё вчера – «Суд над судьями» (идёт под названием «Нюрнбергский процесс»), помнишь, ты читала сценарий (Эби Мани и Стенли Крамер – режиссёр). Крамер выпустил ещё один антиамериканский фильм «Безумный мир», но этот фильм-гротеск идёт в панорамном, будет ли обычный вариант не знаю, наверное, нет. Я посмотрел, устал, немного это уж слишком американский фильм. В самом деле можно обезуметь. Расскажу, приеду когда. <...>

Понедельник 24 марта 1969 г., Саратов

...Выискиваю тебе протезные конверты, сижу сегодня дома, красят стены девчонки и поют. А вчера я получил твое письмо, ужасно долго добираются письма на наш адрес – письмо твое от 16 марта.

25 марта 1969 г., Саратов

...Снова сижу – нет только сил. Мыл полы, потому что в первый раз покрасили стены, окна и двери. Спина у меня болит после такой работы, но зато теперь относительно чисто кругом. Анна Ивановна вчера была, обещала прийти сегодня и не пришла. Поэтому я застрял дома. Завтра иду на работу, а в четверг мы должны подать петицию директору. Письмо в министерство вчерне написано. Тревоги у всех (кроме меня и Натальи) возникают ежедневно. В воскресенье Нонна⁵⁹ решила (после разговора с Володей Соляновым), что письмо он не подпишет, а Тамара⁶⁰ выяснила, что не подпишет Яна⁶¹ и Золотарева. Но мне уже наплевать, как все это получится. Во всяком случае они приостановились в своем рвении. Зав. отделами будут отпускать своих людей сами. Так сказал Пугаев Ирине Золотаревой. Он еще надеется умиротворить. Ладно, я все о своих делах. А твое письмо меня встревожило. Подожди немного, теперь скоро все у нас кончится и я постараюсь заняться твоим устройством. Коле⁶² я так и не собрался написать. Борису Петровичу Свешникову⁶³ и ты можешь позвонить, телефон и адрес у тебя есть. Скоро я пришлю на твой адрес клей рыбий для рублевцев. Это предлог, хотя ты можешь в любое время зайти к Вадиму Васильевичу и Кире. Кстати, они наверное поженятся, если уже не поженились. Только помни, что Вадим человек верующий и неосторожно не оскорби бога в его присутствии, иначе он замкнется. А так он очень душевный человек. Борису Петровичу напомни, что они могут приехать к нам на отдых в июле-августе. Квартира в городе теперь есть. А вот относительно дачи в Чардыме пока неизвестно. Валентин⁶⁴ что-то забывает об этом деле. Он

⁵⁹ Огарева.

⁶⁰ Тамара Викторовна Петрова-Гродскова.

⁶¹ Яровинская.

⁶² Кишилову.

⁶³ Борис Петрович Свешников, московский художник.

⁶⁴ Израилевич.

говорил недавно, что встревожен тем, что Маруцкий обещал попросить его об услуге и не попросил. Но я тоже забываю попросить Наталью Ивановну⁶⁵ сделать это через ее племянника Льва Деева, он предместкома в университете. Наш вояж в Ленинград пока откладывается на конец апреля, если вообще все будет нормально. Так что ты постарайся приехать в ближайшее время. Я ужасно тоскую иногда. Даже несмотря на то, что сейчас я живу в обществе очень милой жены Аркадия⁶⁶. Она очень неглупая, хотя может быть слишком практичная особа. Рассказала мне историю своей жизни. Очень трагичная у нее судьба. И непонятно, как она устояла перед судьбой. Ты очень права и наблюдательна, когда рассказывала о том, что Аркадий не уверен в своем счастье. Ведь она добровольно отказалась от своей любви, но вероятно все еще любит «его». Так что Аркадий пока «устроен» ненадежно. Хотя кажется она женщина с характером и твердая в своих решениях. Больше всего она мечтает о своей квартире и о корочках, то есть о дипломе. А учиться ей страшно надоело. Специалист она видно неплохой и нашла себя в этом деле (дизайнер). Ну, будь здорова. Высылать мне не надо пока, ради бога, посылку. Приезжай лучше сама. Я пришлю тебе рублей 15-16 скоро.

19-20 апреля 1969 г.

...Началась настоящая весна, и все эти дни я был на Волге. Промыл лодку, а сегодня у нас гроза была – первая, снова, наверное, в лодке вода, надо ехать сушить её... Дел у меня уйма, но я увлечен реставрацией, чего у меня почти не наблюдалось. Вероятно, я стал стар, и всякая спокойная кропотливая работа становится потребностью. Расковыриваю иконку: обнаружил в нашем фонде маленькую Казанскую Богоматерь под записью. К сожалению, на лике только первое вохрение с контурами (пробеленными) и рисунком глаз, но санкирь красивая. Вчера, когда я сделал пробу, то очень обрадовался, что под грубой записью что-то есть...

Мне что-то ужасно захотелось в Москву. Какой-то вдруг застой и тоска. Хочется что-то и кого-то увидеть. На днях наверное поеду в Б. Карабулак на автобусе за картинками, которые кем-то привезены из Германии. Вряд ли что путное. Но это старое уже известие когда-то мне дал Скрепинский Ал. Ив., отец моего пропавшего на войне школьного друга. Спустя три года он прислал на имя директора письмо, в котором напомнил, что в свое время говорил мне об этом (а я неоднократно говорил Арбитману⁶⁷). Но теперь он распорядился дать автобус. Смех. Внимание к письмам трудящихся. Это невероятно, до чего они перекобенились.

Завтра я думаю начать занятия с Ируськой реставрацией. Не знаю, захочет ли она в хороший весенний день сидеть в мастерской, да ещё оторвавшись от матери. Боюсь, как бы не отбить у нее охоту на дальнейшие дела. А мне так хочется что-то дать ей в руки... Рисую и пишу (несерьезно) акварелью. Иногда устаю зверски, не знаю отчего. Ведь работа очень у меня легкая, сижу и расковыриваю глупую краску – ищу умную.

29 мая 1969 г., Ленинград

Я попал на Венеру. У меня такое ощущение, как после прочтения рассказа Бредбери «Все лето в один день», ты ведь кажется тоже читала. Только вчерашний день показалось солнце. В день приезда (17) лил дождь и холодный. Куртки намокли, ботинки хлюпали, у Натальи⁶⁸ потекли ресницы (египетские) пока мы разыскали гостеприимную крышу «старого портового кабака», в котором живет Аркадий. Вчера у них началась неделя трудовых будней, и пришли они через час после нашего прихода, а мы пришли в 9. Были в Русском музее, оформляли документы, успели посмотреть иконы, переговорить и перезнакомиться с десятком людей, а потом прошли пешком километров 10. Наталья переживала свою

⁶⁵ Оболенскую.

⁶⁶ Аркадий Солоницын, ленинградский художник.

⁶⁷ Эмилий Николаевич Арбитман, зам. директора по научной работе.

⁶⁸ Наталья Иннокентьевна Свищева, искусствовед, научный сотрудник музея им. А.Н. Радищева.

молодость, а я впервые просто смотрел город, а сегодня я сижу дома, так как выйти под непрекращающийся дождь мне страшно. Простуда невелика, но неприятна. Если бы я знал такое, я бы взял сапоги и теплый свитер. Дождевик здесь просто необходим, как на лодке. Вечером пришла в голову фантазия – податься в конце срока моей командировки на Соловки, ведь я буду в Петрозаводске. Смерили по карте расстояние, оказалось столько же, как до Саратова. А Неля, проживавшая в Карелии, сказала, что от Петрозаводска в Кемь поезд идет сутки, да до Петрозаводска – ночь, да от Кеми пересадка на катер (в Соловки), который ходит, как я смутно помню, не то 1 раз в два дня, не то в день 2 раза. А в штормовую погоду рейсы отменяются. А там все это бывает неожиданно. А мне казалось, что все это от Ленинграда рукой подать. Конечно, есть самолет, но, вероятно, это с пересадкой и с ожиданиями. И главное деньги конечно уже немалые. Так что в субботу мы наверное съездим в Новгород, может быть и на Псков времени не достанет и буду собираться домой. Если устроиться где-то в Москве, то я проживу дней 5 с тобой (возьму отпуск). Боюсь только снова выбить тебя из твоего ритма. Ну, как захочешь сама. Наверное, ты очень утомилась за эти дни, что мы были вместе. На перроне я так расстроился, как всегда на долгое расставание, а ведь успокаивал себя тем, что вскоре вернусь. Ну ладно, пока, не очень нервничай и не утомляйся. Целую. Напишу из Новгорода, если поеду туда.

Начало июня 1969 г., Саратов

...А мне это давно уже надоело, и, к счастью, меня оставили все в покое. Теперь в основном делают Нонна⁶⁹, Петрова, Ляшенко, Солянов. Наталья с ними крутится, но тоже не так уж, а зато остальные поименованные прямо в азарт вошли. Им как будто только сейчас открылось все во всей глубине. Особенно поражает меня Володя – он прямо остервенел. Ну вот, я как будто бы и освободился, а тем не менее какая-то пустота. Рисую и писать вроде бы порываюсь, а время летит мимо, и не успеваю ничего, кроме пустяшных рисуночков. Ещё я увлекся чрезмерно реставрацией. Сижу весь день, все удивляются... а я сижу до рези в глазах. Расчищаю маленького оплечного Спаса, прямо удивительно хорошего для такой считавшейся уже потерянной доски. Эта иконка из какого-то имения была в сейфе, потому что на ней был серебряный оклад. Одна такая же погибла совершенно, т.е. ссыпалась. Ты ведь знаешь, какая там сырость. Но порядки уж таковы; записали финорганы, и строго исполняя инструкцию, эти иконки сунули на погибель, а когда все-таки Наталия Ивановна⁷⁰ догадалась снять оклад, а иконки перетащила, они уже напитались влагой и плесенью. Второй месяц сижу с этой маленькой дощечкой....

Я было вчера чуть было не уехал (с агитпоездом). Директор без труда согласился, а я задумался: почему бы? И оказалось: сейчас в Саратове (послезавтра) открывается монумент (Кибальникова) Ленину, по сему случаю автор здесь, и начальник главка Калашнев вчера был в моей мастерской, а я как на грех ушел получать трешку в управление культуры (за беседу). Директор после, вероятно, всех тревог вчерашнего дня, наверное, был поражен тем, что мы не устроили никаких эксцессов. Т.к. во время прогуливания по службам музея ни Нат. Ив., ни Ляшенко не нашлись, чтобы сказать ему (Калашневу), что мы хотим с ним говорить. Я остался, т.к. Нонна все-таки ему сказала это, и будто бы он обещал быть сегодня снова у нас. Но день сегодня был прямо-таки угарный для начальства: открытие выставки саратовских художников (юбилейной), заседание в исполкоме (где Калашнев должен, конечно, быть) на предмет присвоения звания почетного гражданина пьянчуге и обормоту Кибальникову, который давно уже сам не работает, а имеет просто предпринимательскую контору. Маяковского делал ему Юрка Динес, который за деньги продаст и Израиль. Это тот самый «проходной еврейчик» (Свешникова слова). Вчера Володя передавал: Выставком последний раз принимал экспозицию (делал Володя и Петрова). Пьяный Фомичев непристойно орал, и никто не подумал, что это просто даже двумя годами раньше было бы все-

⁶⁹ Огарева.

⁷⁰ Оболенская.

таки замечено. Сейчас ничего не замечают. Все свои. Волки уже собрались в стаю. Мне все опротивело.

Наталья привезла из деревни (мне) Клейста с рисунками Бориса Петровича⁷¹.

15 октября 1969 г., Саратов

Я договорился с директором о предоставлении мне 2-3-х командировок в год, кроме обычной стажировки, для ускоренного прохождения курса реставрации темперной живописи. Сегодня пишу докладную с обоснованием. Командировки по 3-4 дня. Так что, если тебе не очень удобно ехать домой сейчас, то в ближайшее время я буду в Москве. Напиши, когда удобнее мне приехать. Сегодня очень тепло и солнечно, это после месяца непрерывной дождливой и ветреной погоды. Вчера прошла очистительная, сухая уже, буря, а сегодня дивный день и мой выходной, но вчера мне Гена⁷² сказал, будто будет мокрый снег и ветер. Кто знает, может и будет, а я хотел сплавить ещё разок и вытащить лодку. Сегодня я отработаю, а завтра уеду... Наверное, возьму Ирму⁷³, посмотрю, оставить её или нет. Может быть, до весны. Хотя тогда уж совестно будет её отбирать, т.к. она как сторож, вероятно, нужнее им летом. А летом – клещи. Как у них живут собаки, непонятно. Ну так вот жду твоего письма. <...>.

Вера⁷⁴, оказывается, вместе училась с югославом – Бранко (Арсениевичем), ты, наверное, тоже знаешь его, т.к. личность заметная. Она с ним в большой дружбе и сейчас. Наверное – влюблена навеки. Т.к. она женщина с чистой душой и романтична. Бранко довольно часто приходит к нам, но я с ним не разговариваю, долго он не бывает, занят романом своим, который будет публиковаться в «Волге» в ближайшее время. Он принял советское подданство, но родина его не покидает в мечтах. Он черногорец. Высокий, с огромной лобастой головой. Вероятно человек умный. Но что-то есть в нём на первое знакомство неприятное, поэтому, наверное, меня и не тянет к знакомству настоящему, не хочу осложнять пока себе жизнь в бесцельных для меня разговорах. Его проблема, вероятно, политического характера, так как он был журналистом, сидел на Гола (или Голава) отоке⁷⁵, до сих пор считает Тито личным врагом (пострадал он там за любовь к России, внушённую ему ещё с детства отцом). Всё это со слов Веры, с которой мы разговаривали вчера вечером, т.к. они приходили с бутылкой, и хотел он познакомиться вчера именно со мной, а я вчера работал. Ну ладно. Мне просто хочется с тобой побыть. Привык я будто с самого начала редко тебя видеть, а всё-таки такие перерывы тягостны. <...> «Матисс», текст Алпатова, я купил, не бери. Сегодня выяснилось, что 24/X у нас отчетно-выборное собрание, таким образом я должен либо вернуться к тому сроку, либо ехать после...

17 октября 69 г., Саратов

Рит, лекции Даниловой Наталья⁷⁶ клятвенно обещала выслать еще три дня назад. Сейчас она в командировке в Ленинграде (за свой счет), но это официально, а на самом деле они перебрались ко мне до праздников. У нас второй день морозов. Вчера я с Генкой поехал ночью уже на Гуселку. Боже, какая была фантастическая ночь. Ясность беспредельная, когда открылась Волга с холма. Луна полная, ветер холодный, но сухой, свистит, и если одет тепло, то только радуется такой ветер – свежий, чистый. А под ярмом тихо и одна моя лодка на воде спит. Одно неприятно – торопливость – Генка вечно спешит. С виду он такой увалень, а на самом деле очень нервный и беспокойный. Так что я даже и вздохнуть не успел, забрал постель, кое-какие мелочи, отчерпал воду и деру назад. Все же на обратном пути у меня озябли кончики пальцев в сапогах. Видно, резиновые сапоги были сырые внутри, поэтому сегодня, хотя и ясный день, а мне нездоровится. Всю неделю простуда моя продержалась. Вера утеплила три окна, но за мной окно в мастерской и балконные двери. Надо стекла приволочь и вставить. Выдувает страшно

⁷¹ Свешникова.

⁷² Брат М.Н. Аржанова.

⁷³ Собака.

⁷⁴ Квартирантка.

⁷⁵ Golji otok (Гольий остров) – концентрационный лагерь для политзаключённых в Югославии в 1949–1956 годах.

⁷⁶ Свищева.

через всякую малую щелку. Ирма больна, ногу левую поднимает и бегаёт на трёх лапах, ест без аппетита, у нее то же воспаление, что было там на Агафоновке. Сегодня я оставил записку Анне Ивановне (если она придет) с просьбой к Жене⁷⁷, чтобы он отвел ее к ветеринару. Ведь накануне воспаления я разговаривал с Николаем Андреевичем Григорьевым, и он мне сказал, что шишку эту у Ирмы надо вырезать, может быть раковая опухоль.

Еще вот тебе поручение, раз уж ты едешь домой. Придут деньги от моих детей, купи им пылесос. Вчера он забивал последние гвоздики, ремонт наконец они завершили, кавардак у них был все два года. Полы простелены линолеумом. Теперь я и не знаю, что они будут делать. Если тебе будет громоздко все это тащить, то не бери до моего приезда. Обойдутся. Пылесосов в Саратове нет, а нам тоже бы надо, так как пыли понабивалось нестерпимо много, в одеялах, в ковре, на книгах. А у нас даже не продают веников. Борису Петровичу много раз порывался написать, но это дело серьезное, ему канитель тоже отвечать. Так что ты передай мои наилучшие чувства, а так приеду, свидимся. Помаленьку я делаю кое-что. Поэтому и времени у меня нет ни на что. Второй месяц мусолу Иосифа с братьями где-то на второй сотне страниц. А вообще-то я постарел внутренне, какое-то безразличие ко многому, что, кажется, волнует всех всегда. Наверное, надо будет нам куда-нибудь съездить летом, надо подкопить денег, и на Север или на Лену уехать. На Волге из-за людности стало неудобно...

Осень (ноябрь?) 1969 г., Саратов

Рит, конференцию в ГЦХРМ отменили. Следовательно, мы не едем. Теперь я попытаюсь получить командировку по другой линии. Думаю, что смогу доказать Пугаеву, что мне надо съездить в Москву. Я всё как-то не очень волновался, когда в перспективе была командировка <...> Мне действительно надо побывать у реставраторов-темперников <...> Я стал работать регулярно дома, и в музее у меня сложная работа. Расчищаю две, записанные двумя слоями каждая, иконы. Вот на эти иконы я и хочу испросить командировку, мне надо показать их в Москве. Так как наш Совет, поскольку нет специалиста, не даёт мне права на дальнейшую работу. Хотя иконки (т.е. живопись) утрачены почти начисто. Так вот, работа не оставляет мне времени даже на необходимые дела. Но в субботу ближайшую мы с Верой займёмся предзимней кампанией. Утепляться будем. Холодно у нас зверски в доме. В жилой комнате ещё теплей от кухни, а Вера одевается всеми одеялами. Я-то привык к холодному воздуху с детства, но когда работаешь, то неприятно быть в громоздкой одежде. Денег, что я заработал, мне вряд ли хватит на расплату со Свищёвой, которой я должен с весны, поэтому, если я не выбью командировку, то придётся снова занимать, т.к. заработка не предвидится, да и не хочу я сейчас отвлекаться. Лодку ещё надо вытащить, а дожди и ветра идут не переставая. <...> В субботу, т.е. вчера, я не был на работе. Писал, и так как сейчас мне работается, то я думаю переживу недоплату за 1 день. Марья Ивановна⁷⁸ очень зорко следит за пропусками. Наталья⁷⁹ мне позировала в позе «Одалиски» Энгра. Я сделал красивый, кажется, маленький рисуночек. Но расстроил её до слёз издевательствами над фигурой. Никак уж не думал, что она так слаба по-женски. Первый раз я её поддел за слабое место. Может быть, потому что она, действительно, выглядит очень дурно. Она два месяца больна, то психически, то физически. А в пятницу у меня было опоздание, тоже писал, а потом перед выходом вывел Ирму гулять, она куда-то скрылась. Пошел её искать, а она пришла и сидела на третьем этаже, а я обегал весь квартал. После клещей она непрерывно чешется, а у нас до сих пор нет отопления и барахлит с водой. Подключают соседний дом. <...> Получил твоё «туристское» письмо. Очень приятно, что тебя это так тронуло. Меня тогда не так забирало. <...> Береги себя от всякой хвори, всё-таки я постараюсь на днях быть в Москве. Т.е., когда ты получишь это письмо, будет «на днях», но скорее всего на будущей неделе после понедельника.

16 февраля 1970, воскресенье, Саратов

⁷⁷ Евгений Александрович Богадельщиков, мой брат.

⁷⁸ Николаева, бухгалтер.

⁷⁹ Свищева.

<...>

Дни стоят морозные и ясные, а мы коптимся на заседаниях в табачном дыму. Опротивело. Сегодня первый раз писал и баста: больше тратить силы на дрызги я не хочу. После поганой нормальной жизни моя ненормальная – кажется райской. Когда я пишу – я сам с собой спорю по-дружески.

9 марта 1970 г., Саратов

Рит, кажется ты так давно уехала, а на самом деле просто необыкновенная суета заела. Заела так, что я два последних дня ходил на пределе. Перессорился уже со своими сателлитами. Директор все еще не вышел на работу. Обсудили еще одну недоношенную статью – Симоновой о Крымове (раннем).

Я полностью переключился на устройство запасника для икон в 29 комнате (если помнишь – угловая). Сделали стеллаж, приблизительно расставили, разгрузили мебель, бывшую там. Обнаружил для себя несколько прекрасных икон. Так что года через два, как только я приведу все это в порядок, у нас будет небольшой но вполне приличный отдел древнерусской живописи. Относительно этюда Н.М. Скажи Доре⁸⁰, что я его могу продать за 20 рублей здесь, если ее устроит эта сумма. Насчет Серова ты не забыла сказать? Дал ли я тебе адрес, не помню. Но на днях я ему напишу сам и пришлю тебе его адрес, сейчас у меня нет его (пишу дома). <...> С деньгами у меня еще худо. Так что пока не рассчитывай на возможную помощь. В планетарии что-то не сладилось. У меня в запасе шесть дней, если только разгробусь с деньгами, то приеду. Но может быть будет интересное что в Москве в смысле выставок, хотя теперь вряд ли. <...>

24 мая, воскресенье 1970 г., Саратов

Безумно долго не отвечал тебе.

События: Мы, восемь человек, подали заявления об уходе 15 мая <...>

Всё это противно, поэтому к концу дня у меня бывает такая тоска, что делать ничего не хочется. А тут ещё Валерий⁸¹ до сих пор в больнице. Ируська начинает бунтовать. Хочет самостоятельности, потянуло её в мир, а мать упёрлась, ко мне её не пускает, а сама найти ей новое содержание не может. Лодка покрашена, даже слани, всё по два раза. Осталось засмолить и поставить мотор. Возможно, что сначала съезжу к тебе, поговорю со Свешниковым, а вернусь – возьму отпуск, заберу Ирину и поедем отдыхать. Неделю тому у меня был Кустов Георгий (из московской газетки художников), собиратель, очень понравилась ему моя живопись. Больше, чем Гущина. Он не туп, смотрел внимательно и разбирал всё верно. Предложил мне обменять на икону (у него много икон) мой зимний <...> этюд (писал на Агафоновке) из тех трёх, что я тогда сделал, глядя в окошко. У меня его телефон, надо будет сходить посмотреть. Наталья написала⁸², но ведь не печатают. Да мне это и не надо. Надо делать, а остальное само приложится. Вот поэтому я и подумал: впусти ещё в одну комнату, у меня будет хотя бы минимум денег, а дальше видно будет. Ну, ладно. Целую. Напиши, когда мне удобнее (для тебя) приехать в Москву?

Относительно твоих «плохих» новостей. Всё это ещё может перемениться. Но если перебираться, то мне, пожалуй, будет тяжело подниматься. В Москву ещё можно, точнее, в Химки. Казань – татары. Остальное – и вовсе глушь. А я и в Саратове задыхаюсь от провинциального уксуса. Ну, да ладно. Всё ещё впереди. <...> Но всё же надо тебе постараться зацепиться в Москве. Пропишись, а работу тебе найдут. Сменяем Саратов на Химки. Химки – это тебе не какая-то Москва, что кругом Химки охватила, а сглотнуть не может. Ну, ещё раз целую. (И ещё я купил из этой серии «Публикаций одного памятника»

⁸⁰ Дора, из Омска, коллекционировала работу Гущина.

⁸¹ Сын М.Н. Аржанова от первого брака.

⁸² О М.Н. Аржанове.

«Арх. Михаила», собственно, презентовала Нонна⁸³, я немного помог ей перебираться⁸⁴).

Как ты вылезла с деньгами? На завтрашней неделе я получу 30 рублей за реставрацию иконки, если не поеду к тебе, перешлю целиком.

20 июля 1970 г., Саратов

Вчера получил еще одно твое письмо из Москвы, пишу второе свое в Свердловск.

В музее мы победили. Т.е. в принципе наша точка зрения признана правильной. Через месяц мин-во должно сделать организационные выводы. Так что понемногу я освобождаюсь от дурного, тягостного сна, в котором я был в последнее время. Возвращаться в музей и налаживать снова отношения с подлыми людьми мне не хочется. Если у тебя что-то получится с пропиской, то это наверное будет освобождением. Наталья до сих пор в полном упадке нравственных своих сил, Огарева тоже. Болеют. У нас зверская жара (36) всю неделю. Лодка разохлась, а я третий день болтаюсь бессмысленно. Пробую рисовать, все как-то вываливается из рук. Ничего делать не в состоянии. Но сегодня уже лучше. Приехала в четверг Неля Солоницына с подругой. Живут у нас. Сам Аркадий приедет в августе. Володе Солянову захотелось наконец поработать в компании (сам сказал). Так что в конце этого месяца или в начале августа мы отбываем, если конечно успею наладить лодку. Думаю остановиться в Усовке в устье Терешки. Если сумеешь приехать в конце августа, то мы к тому времени будем вероятно только с Аркадием. Связь будем держать через Геннадия. Он отпуска брать не будет, но думает наезжать по выходным дням. <...> Рассчитывай попасть к нему до вечера пятницы, он тебя может привезти на мотоцикле, или расскажет, как нас разыскать. Целую.

Осень 1969 г., Саратов

...Два дня (три ночи) кряду пробыл на Волге. Погода редкостная. Ясно, тихо, тепло, покойно. Первый раз, наверное, в этом году делал этюд с внутренним интересом, а то всё было как-то по обязанности. Не знаю, когда я налажусь, а пишу или рисую каждый день. Мария Марковна⁸⁵ прислала шесть страниц убористого шрифта в размере машинописного листа. Хотел переслать тебе, но очень толстое письмо получится. Перескажу. <...> раз пять повторяет приглашение в Новочеркасск. Соблазняет даже иконами. Говорит, что у казаков сохраняются родовые древности и несомненно есть, даже у нее, две Богоматери (Федоровская и Казанская), а у дворничихи древний Спас. Если это действительно может оказаться так, то очень бы неплохо было заехать на недельку, но ведь деньжищ-то надо – кучечку. И потом – с тобой не сговоримся, а одному не хочется, что-то я стал болезненно переживать одиночество (как Ирма). Мне кажется, что время прошлое просто проваливается куда-то, а настоящее как-то зыбко. Вообще-то не очень хорошо я чувствую себя, на старости лет. Ируська беспокоит. Надо её воспитывать, а мать парализует всё то, что я успеваю в какие-то крохи времени в её душу заронить. Теперь я вижу её еще реже, чем раньше, и как-то не удается наладить с ней душевный контакт. Боюсь, как бы совсем не порвалась ниточка близости (той малой), что есть ещё... «Заря молодежи» больше полстраницы про меня накатала с двумя фотографиями.

7-8 апреля 1970 г., Саратов

...Я сегодня передых имею. За вторник и среду наломались мы как следует. Отскоблили всю старую краску, прошпаклевали левую половину. Осталась не проолифленной и не шпаклеванной только корма. Завтра день короткий (рабочий), но уехать не удастся, наверное потому, что мне надо отвезти Ирину домой. Вероятно, в субботу (9), если погода продержится, закончу подготовку к покраске. А красить дело – веселое. Потом я

⁸³ Огарева.

⁸⁴ На новую квартиру.

⁸⁵ Мария Марковна Образцова – знакомая М.Н.Аржанова, химик, биолог, эмбриолог по увлечению. В Новочеркасске у неё гостили в 1971 г.

ее засмолю и займусь мотором. И тогда, как кончу, напишу приглашение Борису Петровичу. Рассчитываю все сделать на следующей неделе. Т.е. во второй половине мая я должен ее подготовить к спуску. Вот все мои дела. Ночи холодные, да во вторник было холодно с утра, дул верховой ветер, к вечеру было так холодно, что на остановке я продрог. Не переселился поэтому я на Волгу, да и лень ловить рыбу. А так жрать там нечего. И ещё: ловится год от году рыбёшка всё мельче. Удильщики везли такую «отборную» мелочь, что мне страшно стало связывать отпуск с Волгой. Что делать, если рыбёшку такую надо будет добывать с таким трудом. Увидишь Колю Кишилова, спроси, когда он думает ехать в отпуск на Шим. А если он вернулся из экспедиции, – что привезли и откуда. Вот ещё: будешь в Рублёвском, скажи Кире и Вадиму, что если их устроит, то в начале июня они могут приехать, сплаваем на Иргиз. Директор наш говорил с их директором (Галиной Анатольевной) и получил её согласие. Так вот, если удобно им, то в июне, если нет, то можно позже. У меня же расчёт такой – после спуска лодка должна быть в работе, чтобы мне не охранять её всё лето. Но во всяком случае, они пусть не связываются этими сроками. Как им будет удобно. Пусть только передадут тебе или напишут мне сами на квартиру. А потом я заставлю послать директору официальную просьбу от нашего директора. Я думаю, что 2-3 дня мы поработаем в фондах, а потом поедem в экспедицию (на лодке).

Если тебе будет некогда к ним сходить, то не беда. Я пошлю им через недельку письмо.

<...>

Проснулся ночью от духоты, открыл окно, решил тебе приписать, да только стал рисовать, а потом всё-таки уснул, наломался я вчера на Волге. Наталья захандрила, не поехала. Едва успел прокрыть олифой корму, пошёл дождь, а сегодня в сарае весь день провёл – начал разбирать место, увлёкся книжками: Евангелие 17 века, при Ал. Михайловиче печатано, почти всё цело. Собрал и почистил от пыли все листки, которые привёз из Балакова, «Миня» наверное тоже без больших утрат. Прекрасная бумага и печать, но более поздняя. Несколько листков от громадного Евангелия. Уставом печатано. А вот крюковые ноты либо у меня утащили, либо я перепутал, потому что в Пугачёвском музее есть эти крюки, и мне, наверное, виденное показалось сущим у меня. А я обещал Вадиму Васильевичу подарить эти ноты. Несколько обычных нотных листков есть, но это совсем неинтересно.

Август 1970 г., Саратов

Рит, уезжал на Волгу, приехал – письмо твоё, надо обдумать. А пока несколько строчек, чтоб тебе не было скучно.

Сегодня возвращался в шторм, торопился, так как в воскресенье ветер начал дуть со вчерашнего утра, не очень сильный, но непрерывный, юго-восточный, поэтому я едва-едва пересёк Волгу от того островка против Пристанного, где мы как-то жили. Сейчас самое очарование на Волге, и я разошёлся. Правда, ничего вроде бы путного не сделал, но хоть стронулся. Взялся за живопись. На днях напишу на твоё теоретическое письмо. Коле⁸⁶ тоже ещё не написал. Злился все дни: писал – и глупо. Сейчас что-то потихоньку раскрываются глаза. Целую. Ну, тороплюсь к Ируське.

Прошрое воскресенье посмотрели «Трехгрошовую оперу» Брехта. В следующее воскресенье пойду снова с ней в театр, хочу немного ее направить, а то вдруг уеду⁸⁷ и буду думать, что ничего ей не оставил.

Осень 1970 г.

...Мне тут забрезжилась новая классификация искусств. Когда додумаю – пришло. Это следствие впечатлений от кавардака на выставке в Манеже.

⁸⁶ Кишилову.

⁸⁷ В 70-м г. активно обсуждалась возможность переезда в Москву-Химки.

...Речь шла, наверное, о том, что восприятию зрителя мешает вся фанатерия изысканнейших усовершенствований в пределах определенной школы. В те эпохи, когда стиль держался длительное время, зритель подготавливался к восприятию и к понятиям устойчивым. В наше время раздробленность (индивидуалистичность) привели к отрыву представлений зрителя и художника. Нужны теперь посредники – искусствоведы – до 19 века их не было. В 19 они появились, особенно после середины столетия, как толкователи новых откровений. Число их становится несметным. Искусствоведы-музейщики были и раньше. Но теперь всё больше искусствоведов-философов. Почему? Потому что зритель вправе требовать искусства ясного. Это не значит – упрощенного. Зрителя, конечно, надо просвещать, но только не так, как думают (напр., Арбитман), вводя его в круг представлений той или иной школы живописи (искусства), т.е. давая представления о перспективе, о способах наложения краски, о красоте движения кисти и т.д. Эти понятия и представления имеют смысл только для последователя данной школы, в другой школе они не имеют того значения.

Надо еще совершенно определенно различать теперь, ввиду расширения функций изобразит. искусства, деления на назначение того или иного вида изоискусства: художники кино, телевидения, театра, оформители книг, промышленности, прикладного (в старинном понятии этого слова) искусства и т.д. Сейчас так трудно бывает разграничить все это потому, что в станковую живопись столько нанесли идей, чуждых станковой живописи, так перемешали всё по забвению главным образом того, что станковая живопись менее остальных видов изоискусства может быть заказной. По-настоящему художники-станковисты – это в наше время редчайшие художники. Станковист – индивидуалист. Это не значит, что он оторван от современности и общества. Только, как правило (во все времена, а в наше особенно), индивидуалист всегда в оппозиции к официальным носителям «прогресса». Собственно в настоящем смысле художник-творец может не делать искусство, если есть запас доступных и достаточных форм для выражения. В моменты, когда содержание не укладывается в старые формы, тогда начинаются преимущественно поиски формы, тогда содержанием становится форма (некоторые виды абстракционизма). Это в некотором смысле «искусство для искусства». Зрителю массовому оно может быть действительно не нужно и недоступно, но ценность его несомненна и необходима, ведь следом идет искусство выражения. Зрителю надо давать представление о содержании в искусстве. Неважно, что является содержанием. Полнота выражения идеи. Единственность формы такого только выражения идеи, т.е. невозможность передачи данной информации в другом виде искусства, сразу делает интерес к искусству необходимым средством совершенствования личности. А потребительское отношение к искусству (в смысле наслаждения, украшения и пр.) делает непонятным существование таких школ искусства, как сюрреализм, например.

Вот как давать это, я не знаю, пока просто не думал об этом. Я может быть тебе говорю то, что ты уже знаешь. Вероятно об этом где-то написано.

Начало ноября 1970 г., Саратов

...в том смысле, когда ты говоришь о практике машинографики (в Америке).

Воздействие искусства ограничивается областью приспособляемости производственной (утилитарной) деятельности к новым условиям чудовищной гонки этого самого производства. Возможно, что сейчас это и даёт какой-то практический результат, но, по-моему, гораздо больший результат воздействие искусства даёт в том случае, когда оно (искусство) будет одним из главных факторов формирования **человека**. Труд не как неприятная необходимость, а как потребность необходимейшая, осуществляемая в основном там, где человек самовыражается (индивидуализм здесь не причём), а самовыражение наиболее полно осуществляется в искусстве. Я пишу, наверное, о том, что есть у Гегеля и вообще. Но что делать, если давным-давно известные истины либо не доходят, либо забываются.

Да мне, наверное, лучше не вмешиваться в твоё дело, или я тебя собью с возможно приемлемой дороги. Научно-техническая революция меня не восхищает, а наоборот, приводит к мерзейшему состоянию духа, т.к. в этой революции пока что видна только гибель человека в тех понятиях, в которых мы до сих пор его мыслили. Вообще **фетишизация** это обратная сторона так наз. прогресса. Понятие же «прогресс» это недавняя выдумка самодовольного буржуа, а «либерте, эгалите, фратерните» оказались нужными для этого же «прогресса». Вчера холодильник, а ныне западногерманский магнитофон – предмет вожделений.

Искусство в ещё большей степени используется для растления человека. Поэтому неспроста везде и всюду им пытаются управлять и «направлять» его, хотя по своей природе то, что есть истинное, это не «искусство», а самовыражение духа, сама жизнь. В древности (на Руси) вообще не бытовало никаких понятий вроде «искусство», «эстетика» и пр. Это было дело, равное сеятелю, каменщику, отцу и матери. Теперь это сама по себе автономная категория. Искусство, что проститутка, может отражать жизнь (если заставят), может не отражать (если купят). Это тоже результат «прогресса». До сих пор общество без бога было невозможно. Но бог как дух – как прекрасная истина похоронен. Нейлон, имя вчерашнего бога, завтра будет научно-техническая революция, послезавтра «искусство» как «ониорофильм» (это была хорошая вещичка из серии научно-фантастич. книжек). Хочешь машину, хочешь катер, можно всё, только будь послушен, дисциплинирован (для собственного же блага, дурак). Очень немного и нужно от человека, чтобы он перестал быть человеком. А если не слушаешься, то берегись. Антиобщественный субъект, мешаешь всем, всему обществу, ведь все идут радостно к одной цели. Женщины все враз хотят быть в белых сапожках, все мужчины хотят в любой момент пить пиво и смотреть футбол. Это возможно, только будьте дисциплинированы и не верьте женщинам в длинных юбках. Завтра будет возможно (с ростом культурных потребностей) иметь автомобиль с двуспальным сиденьем и по телевидению подбавят секса (сначала в виде гимнастических упражнений, а потом пооткровеннее). Секс – наиболее чувствителен к эстетике. Дорогу первородному греху – вот вам вместо таинств, которыми охмуряла христианская, да и другие религии, человечество. Искусство, если только оно истинно свободно, есть такое же выражение гения народов, как и всё остальное, что служит для сохранения тела, но оно для души.

Человек это душа – тело оболочка. Два тысячелетия верили этому, всё сходилось, устраивалось, перестали верить – уродств не убавилось, человек незаметно для себя самого становится только телом. Меня занесло. Прости, что не могу писать прямо на твоё письмо. Мне всё опротивело, а уйти некуда. Но жить рабом не могу, поэтому готов голодать хотя бы некоторое время, чтобы оскотиниться и уж не противиться больше ничему. За четверть века с меня брали налоги на защиту меня же от разных несправедливостей и катастроф. Болел я мало. Но вот для чего платил я суду, если он не может защитить меня от клеветы и от угроз. Когда же захочешь, чтобы было лучше, чем есть, то это надо делать не самому, а вложить это начальнику, да не в обидной форме и почтительно отойти в сторонку и не возмущаться, если твои светлые идеи в его руках станут грязными, снова попытайся найти счастье в единении с помазаником нового бога. А помазаник любит покой и комфорт. Он дисциплинирован, он заслужил всё. Устал писать. Думал, что ты приедешь, но сейчас сообразил, что праздники приходятся на выходные. А почему молчишь?

Две недели дули ветра. Всеми силами старался уберечь лодку и всё-таки не удалось. Перед тем, как мне осталось вытащить её на берег, разыгрался шторм с юго-восточным ветром и снова залило всю. Теперь лодка на берегу, но мотор не вытащил ещё. Как только всё приведу в порядок, поеду к тебе. Тошно мне, может быть развеюсь. Очень много мелочей в доме. Делаю я всё медленно, ты знаешь. После вселения квартирантов я до сих пор не найду дела себе. А люди оказались настолько беспокойными, шумными, с многочисленными знакомствами. Сейчас уж вторую неделю живут четверо: отец и подруга приехали.

10 ноября 1970 года, Саратов

Рит, пишу на случай, если не удастся проехать в Евпаторию через Москву. Даже если мы встретимся, то только на короткое время, т.к. 12-го Ирина должна быть на месте⁸⁸. Обратно поеду сразу, и в Москву, но это планы. Если же не получится, то вышлю телеграмму. Фототелеграмму твою получил, а перевод нет (и не к чему было высылать). Самое же скверное – у меня умер дядя Вася, самый молодой из маминых братьев и сестёр, и мама и все мы узнали об этом только на третий день. Теперь мать уехала одна на похороны, и я очень беспокоюсь. Что-то всё у меня болит в груди. Сначала я думал, чтобы не делать лишние концы, остаться в Крыму (есть где остановиться) до 7 декабря, когда у Ирины кончится путёвка, а теперь уж, наверное, не удастся, т.к. очень скучаю по тебе. И дома как-то всё не так. Гена поступил в геологоразведку и работает в поле (в Кр. Куте база), Валерий уехал в Волгоград (отпуск). Мать в любую минуту может заболеть. Стара. Ну вот, где-нибудь 14-15 буду в Москве. Можешь не встречать, но если не сумею выслать известие, то по возможности будь дома. <...> Недавно выслал тебе злое письмо (теоретическое), оборвал его, т.к. пришел Гена. <...>

21 декабря 1970 г., Саратов

Кое-как уладил все почти дела <...> Ирина очень активна стала в смысле какого-то общения со мной: строит планы на лето и даже предложила мне уехать из Саратова (когда мы возвратились из Крыма), так на неё подействовало расширение представлений о мире. Хочет побывать в Москве. Говорю – денег нет. – Ну, ладно, может быть, летом. – Летом посмотрим. Во всяком случае, если будет карантин, то приеду на лето в Подмоскovie с ней. Где-нибудь, а побывать ей в другом месте очень полезно. Прямо воскресает. Жду тебя теперь. Если нетрудно будет, то купи в аптеке (для Машкова Юры⁸⁹) толокнянку или «медвежье ушко» – травка, то ли это одно и то же, то ли взаимозаменяемо. Они мне давали симферопольские адреса родных (для остановки) и 5 р. на эту травку, а я не остановился там, а 5 р. истратил. Сейчас мне надо уплатить 101 рубль за 3 месяца квартплату, т.к. за декабрь нагнали до 40 с копейками и по 30 р. за октябрь и ноябрь. 50 рублей у меня есть, не трачу, надеюсь получить некогда заработанные 30 р., но за прошедшую неделю никуда не ходил, т.к. рисовал и погода была дурноватая, болела спина.

Организация нового музея в Саратове (народного творчества) поручили Скорлупкину. Была у меня Ольга Ивановна Тезикова, рассказывала, как он мучается, т.к. наши олухи думают, что это дело может творить всякий. Петрова, по-видимому, тоже будет работать на этой стезе, но сейчас принимают к Ольге Ивановне. Чего-то всё-таки боятся. Смех. Я дал «глобальные» идеи, которые, конечно, они не сумеют конкретизировать. Оля, правда, поняла, но вздохнула тяжело. Дали бы права мне, я бы сделал начало, а дальше пошло бы легче с кем угодно. Дело всё в том, что любое дело должно сразу в идее установиться, а они, смутно всё представляя, начинают по-рутинному. Не имея штата, людей, не зная, что и какие функции могут быть определены новому учреждению, ищут помещение. Главное – конечно тепло. Жаль, что прекрасное дело попадает в руки незаинтересованных этим делом служаков, покорных, безликих. А здесь надо ломать устоявшиеся рутинные представления о музее и сразу внести новизну, не в факт количественного прибавления культурного учреждения, а новизну в качество этого учреждения, в функцию и в охват зрителя и дела. Индивидуальность создателя ложится надолго на направление и бывает такой живучей, только потому, что в это дело так же необходимо вкладывать страсть (а вместе и понимание сути), как вообще в искусство. Иначе это будет мёртвая контора. У нас тем более это опасно, что, раз получивши направление, мы не в силах будем его изменить. К рутине отношение у нас бережное. Ну, бог с ним, с этим делом. Запал у меня прошёл. И появился вкус к частной жизни. Одно трудно – хлеб не гарантирован. Но труд всё-таки даром не пропадает. На это я надеюсь и работаю

Ну, ладно. Целую, жду. Телеграфь, чтоб встретил.

⁸⁸ В санатории по путёвке.

⁸⁹ Художник, друг М.Н. Аржанова.

(Преписка на полях – М.Б.) Витя Чудин бросил жену. Женился, говорят, на этой Долорес (Ярыгина богиня). Дай бог ему не пропасть.

Апрель 1971 г. Москва

<...> После больницы я устрою тебя в отдельной комнате. Я же тебе писал, что всё лето квартира Кишилова будет свободна, и Елизавета Васильевна⁹⁰ слышать не хочет о том, чтобы ты моталась по чужим квартирам, когда она тебя будет кормить. Не только что будешь жить, она тебе не даст голодать, как было до сего дня. Я не отказался, так как вчера сам валялся в постели. Слушай, мадам, нечего меня успокаивать, если плохо, то так и говори, надо будет что-то «нажать». Если думаешь, что спасёшься, то так и говори, как есть, все боли. Не вводи хоть ты меня в заблуждение. Со всех сторон меня успокаивают.

Что-нибудь напиши матери (если нужно). Я боюсь писать, так как перепугается, получив моё письмо. <...> Книжку пока не принёс. Может быть, ты не читала У. Фолкнера? У нас дома есть начало – «Деревушка», а у Коли продолжение – «Город» и «Особняк». Вечером я попрошу его что-нибудь найти. Видел Ольгу (Кочик). Просила позвонить, чтобы они попротезировали тебе здесь. Но я до омерзения не люблю эту манеру – обращать внимание на то, что мне делают добро. Я и без того бы сделал, и что ещё нужно, раз я ей сказал, где ты находишься и в каком состоянии. Сделает – хорошо, ну, а если надо, то я лучше попрошу Колю (у него есть связь с гл. гинекологом Москвы).

Передаю банку гранатового сока (по моим понятиям, это целебный сок для крови, на всякий случай, спроси у врачей) и вафли – лёгкие диетические, это дары Анны. Я приболел слегка и вчера провалялся, больше для профилактики. Если не очень плохо, то напиши ещё о твоём самочувствии, а эту всю чепуху выбрось из головы.

10 июня 1971 г., Пермь

Рит, милая, как-то все очень неудобно получилось, объясню при встрече, но веские причины для молчания были. Заработал некоторую сумму денег (50 рублей – реставрация). Остановливался у Стреляевой, был в Чердыни, Усолье, видел это г. Стогановых начальное могущество. Приехал с очаровательной речки Ирины, был в Кунгуре (старый екатерининский сибирский тракт проходил через этот город). Рисовал, плывя на пароходе по Каме, Вытягре, Колве, (Чердынь на р. Колве – потрясающе красиво расположена на высоком берегу Колвы и внизу на сотни верст почти видно, так как идет огромная пойма в слиянии двух рек – Колвы и Вытягры). Было только ужасно холодно, но кажется выдержал. Вначале все было тоскливо и беспокойно очень, мое самочувствие тому виной и некоторые обстоятельства, мною не предусмотренные. 16-го я улетаю из Перми в Саратов и недели через две приеду в Москву. Скажи Коле, что буду, как условились. Разумеется, он обиделся, но ведь и мне очень неприятно болтаться в Москве без дела. Работу-то я сделал (тонирование его уже часть). А относительно летнего отпуска в принципе мы договорились. Успокой его, если он будет дома.

14 сентября 1971 г., Саратов

<...> Всю неделю пишу маслом – два последних этюда – что-то вроде вышло, а первые три дня мучился, хотя писал вначале вроде бы с удовольствием, вечером становилось противно. <...> В четверг днём я был занят с Иринкой (она теперь не в интернате, а дома, только что устроили её в школу, ну, об этом потом). <...> Ируська начала учиться с прошлого понедельника в 9-м классе нормальной школы. Трудновато ей сейчас, но очень довольна, что кончился плен. А мне нужно теперь купить ей два пальто, осеннее и зимнее, из интерната их отпустили в своём, всё неожиданно получилось. Явились после каникул только двое – Иринка и Вера⁹¹ (плавала со мной). В гороно будто бы поругали дирекцию интерната, но класс может быть минимум в 7 человек. Вот и всё. Мне почему-то тревожно сейчас за неё,

⁹⁰ Кишилова.

⁹¹ Вера – подруга и одноклассница в интернате Ирины.

хотя Шура говорит, что школа эта очень хорошая. Классный руководитель – математик(чка) – деятельная. <...> Устал писать и пишу неряшливо, так как для меня это тягостно – писать о дрызгах. <...>

Весна (март?), 1972 г., Москва

«О времени и о себе» – наоборот, наверное, точнее. Судить время не мне, но хочу что-то привести в систему, найти какой-то выход накопленному, а ты мне много раз уж говорила – что это я не напишу: вот и решился писать пером.

Кажется, я отдохнул: разом хлынуло желание и фантазии разные – делать – и где взять время делать сразу всё, что на меня наваливается; только одна рука ведь работает, писать хочу и пером и кистью. Вот и решил испробовать и то и другое делать. Мне будет очень трудно писать пером. Память ослабла, а записи я никогда не вёл, если не считать дневник моей половозрелости (извини). О любвях написано и напечатано более, чем нужно, и возмутительно хорошо, мне это неинтересно. Поэтому отнесись спокойно к тому, что я (мы) не приедем в Казань Это раз. Другое – Ируська простыла, и, боюсь, может приболеть. Сейчас горло – вчера полоскали, делали ванну ножную. У меня тоже нос засвистал. <...> Неделю, что мы живём с Ируськой, можно назвать целительной. И если бы не она, я не смог бы вынести груза усталости и разлада. Знаю теперь только одно: пока она во мне нуждается, я не смогу отдалиться от неё. Я и так виноват, что забросил её последние три года. А теперь вот, если ты родишь, каково это будет со мной: счастье или ещё новый больший разлад. Но ведь я знаю и ты, наверное, больше, чем я, тоже знаешь, что такое дитя – хотя ты и не рожала. Я могу взбунтоваться – но бунт истощает, ослепляет, а если и прозреваешь пророчески, то это остаётся умозрением только. Делать уж нечего. Поэтому я решил хоть сейчас ни дня не давать больше на эти волнения дня. Я уйду в прошлое. Я хочу работать, и начать от первого проблеска сознания. Мне кажется иногда, что жизнь моя прожита, что глубокий я уже старик, да вот и страсть к мемуарам появилась. Я давно знаю, что, чтобы делать, надо исходить из себя, никакие образцы не помогут. Вот и делаю, как умею. Во мне копилось что-то, и теперь, сегодня по крайней мере, я может быть очерствел до живущих рядом со мной. Прости, если это будет больно тебе. Хотя тебе, я знаю, только понятно, что я бессвязно сейчас говорю <...> Не очень уж терзайся, что не приеду в эти дни. Может попозже напишу посвязней.

Март 1972 г., Саратов, в день приезда из Москвы

Рит, милая, пишу, не приведя себя в порядок Усталость почувствовал безмерную, когда за 5 часов до отъезда я, наконец, собрал инструменты и ещё сгоряча заехал на почту, забежал к Коле и оттуда на вокзал; купив билет, пошёл по Валовой, по магазинам, чтобы купить хоть что-нибудь из еды и гостинцев. А в поезде спал до утра, кое-когда просыпаясь от толчков и шума. <...> Ируська чувствует физически хорошо, весела. Приходят подруги, учат уроки, но с озорством. Пока приглядываюсь. А Шура ещё не уехала, то ли она намеренно приблизила срок своего отъезда, то ли сама не знала точно, но едет она двадцатого. Ругаться я уж не стал, тем более, что о твоём устройстве она расспрашивала без всякой подковырки (которая сквозила раньше всегда), вполне нормально и даже доброжелательно. Теперь о возможности приезда в Казань на каникулы, пожалуй, не стоит говорить, потому что заработал я 130 рублей, Шуре придётся дать рублей несколько, и я уже истратил 30 рублей. Так что едва натянуть нам с Ируськой. Сколько получит Коля, я не знаю. За март и апрель придётся платить за квартиру. Так что поступления могут быть ещё в апреле в размере 20 рублей только. У тебя сто рублей долга. А поездка обойдётся только с билетами в 50 рублей. В апреле мне придётся заехать и остановиться в Москве дней на 5, так как я дополучу ещё 70 рублей, если закончу работу, и должен будет получить Коля, а оттуда к тебе. Погода в Саратове весенняя. Солнечно, свежий ветерок, чистое небо. Будем гулять в лес, раз, потом я попробую испытать (Ируську) на живописное дарование. Собираю для неё маленький ящик, пусть попытит с маслом. Конечно, это попозже, и прямо хочу на природе.

Сам, конечно, буду писать. Очень меня всё-таки смущает твоё «положение». Боюсь, ты развинтишься, и всё у тебя лопнет, т.е. диссертация. Я уж махнул рукой на то, что у меня снова (запоздало) начнутся невыносимые заботы. В общем, всё не распутывается, а усложняется, вернее сказать, будто распутывается в одном, начинает запутываться в другом. Я даже сон видел (начало сна видел дважды). Представь: просыпаясь утром, я вижу залитое весенним светом подобие рожицы (обглоданность) среди новых домов. Деревья усеяны птицами. Ранней весной бывает такое тревожно-радостное настроение на воле. И вот, испытай его, я слышу: детские голоса гомонят и поют – Аист, мой милый аист, – и возглас – а где Сатурн? – и чувствую, но не вижу, как они после этого в страхе разбегаются, а с самой верхушки старого дерева вдруг слетает огромный кондор, который всё увеличивается, подлетая и вцепляясь в меня. Этот мертвящий птичий зрак и размах крыльев наполняют меня ужасом, я пытаюсь поднять руки над головой и просыпаюсь и тут уж думаю: «Сатурн – пожирающий своих детей». Я переутомился, конечно, девять дней работал по 15-16 часов и более, в последние дни выходил за папиросами один раз. Кормили хорошо, но, пожалуй, слишком жирно. Боюсь, не откроется ли у меня язва, потому что вчера ощутил характерную боль (сосание) в области двенадцатиперстной кишки снова. И снова боюсь за тебя. Не надорвалась бы и ты. Пиши на дом, буду заходить по субботам и наверное среди недели на квартиру. <...> Виктор почему-то несколько раз заходил (Чудин) и совсем необъяснимо посещение Сорокиной Алевтины (жены Саши Яровинского), которая просила свидания с ней в молодёжной редакции радиокомитета, записки не оставила, а сделала надпись на открытке... Ну, вот, на первых порах всякую тебе всячину. Очень жалею, что совершенно не в состоянии был выслать тебе из Москвы хоть лимонов. <...>

Июнь 1972 г., Саратов

Рит, пишу тебе наскоро, так как пощипали лодку. Внезапно поднималась вода, поэтому Валерий её вытаскивал, но не успел просушить. Почти сопрело всё мягкое, что там оставалось. Потом выломали бензобак, дверцу рундука, утащили чайник, удочки и ещё кое-какую рухлядь. Вчера весь день латал, но, перебив, не успел просушить до конца кошму и мех, который, впрочем, наверное, придётся выбросить. Естественно, мотор с водой стоит. Не утащили мотор, наверное, только потому, что орудовала ребятня. Правила и ограничения ввели жёсткие. У Саратова в городской черте не осталось ни одной базы. Под городским берегом плавать нельзя. Пересекать можно только в трёх местах и т.д. Запрещено ловить рыбу везде, где она ловилась. Все любители лещей страшно обижены, но никто не ропщет открыто, ругаются потихоньку. Многие не сдали экзамены на водительские права, по всему по этому лодок пока на Волге нет и половины. Поэтому же на Гусёлке почти безлюдно. Смолить, красить, буду жить там, возьму Ирину. Если не захочет ночевать, пусть приезжает на день. Купаться можно, вода хорошая. Подаркам страшно обрадована. Но пока не было никаких разговоров о дальнейших планах, т.к. её увели подружки на утро следующего дня, а я бросился к Валерию и затем на Волгу, когда узнал от него, что он не был на Волге уже три недели и не просушил ничего. Ругать его жалко, потому что он замыкался и действительно не мог попасть, а Генка увёз мотоцикл в Кр. Кут. Если не дам на права или будет карантин, то, наверное, приедем в Казань с Ируськой, но пока я не решил давать согласие на операцию. Она и так вся изрезана. Какой будет толк? Только разве для того, чтобы можно было носить аппарат. Тогдашняя операция почти ничего не дала. Хирурги дело своё сделали, а остальное их не касается. Может получится снова так, как и тогда, хотя теперь мы знаем, что немедленно нужно заказывать аппарат, но сколько будет делаться заказ – это ни в чьей власти оказывается, кроме исполнителей на протезном заводе, а с них взятки гладки. Сшибают со всех по трёшке, пятёрке, пьют как свиньи. Совесть в наше время понятие тонкое.

Ну, вот, пока и всё. Если поедешь в Саратов, телеграфируй, но не особенно рассчитывай, что смогу встретить. Вдруг я не получу вовремя. Сама понимаешь, буду всё время пока на Гусёлке. Конечно, наезжать придётся домой.

Свищёва в Саранске, пишет какую-то статью для «Волги», получила деньги на командировку и уехала. Валентин⁹² вчера приплыл на *своей* байдарке и весь день пробыл со мной на Гусёлке. Загорел он зверски, в отпуске. Приглашал на совместное путешествие по Хопру в июле на байдарках. Но спорт мне уже ни к чему, а он не любит сидеть на месте. Ируське же, конечно, было бы очень интересно. <...>

Июнь 1972 г., Саратов

Рит, прибежал на минуту домой, пишу наспех. На Агафоновке твои телеграммы, не понятно, что нужно, сейчас бегу туда. Лодку насилу спустил, запоров ещё нет, поэтому до ночи должен вернуться. Валерий провалился, Ируська тоже. Никто не едет, сидел неделю, привязанный к берегу. Замачивалась (лодка) очень долго. Письмо твоё получил. Не надрывайся. По жаре тебе, наверное, вредно. Сейчас уснул в парходе, и когда разбудили, выпали очки, раздавил. Буду рядом с Гусёлкой, так как непонятно ещё, куда и как можно уехать. Бензину у меня нет. Всё остальное в порядке, подтекает немного в корме. Много ещё мелких доделок. Приезжай, как сумеешь. Не взвинчивайся и не торопись. Очень скоро мы всё равно не сумеем поехать, пока не снимут запрет... <...>

Начало января 1979 г., Саратов

Ничего высылать не надо – разве, если найдётся, желтая перчатка с правой руки. Пусть хоть Ируська напишет, как вы там живёте. Что, все ослабели так, что и писать не можете? Тебе недосуг, а что с ними?⁹³ М. б., я приеду на недельку один, т.к. Трипольский просит отправить ему иконки почтой. Письмо прислал неприятное. Я, конечно, непростительно долго задержал его вещи, но ведь и он не чесался. Не писал, а теперь вдруг такое обидчивое и сомнение в моей порядочности. Всё же я надеюсь хоть сколько-то подработать. А тебе надо гнать всюю, если ты ещё не надорвалась Потому что, хотя мы и отвыкли от тебя, но временами очень тоскую я, а малыши⁹⁴ крайне довольны своей свободой. Они властвуют в доме, гуляют вволю ежедневно. Едят хорошо, и еда неплохая. Яблоки, соки, салаты овощные, блины, омлеты, супы и борщи само собой. Молоко дрянное, но сколь угодно. Лимоны и апельсины ещё не прикончили. Изредка рыбу жарю. А каши никакие в рот не берут.

Может быть, вам привезти какие-нибудь продукты, из тех, в чём у вас острая нужда? Так что сообрази и напиши. А ребят трогать ни к чему. Слава Богу, хорошо зимуют пока. И ещё одно, что их уберегает – не вожу и не таскаю их никуда по трамваям и другим домам. На Агафоновке они тоже хорошо живут, но, разумеется, скучают по мне и по «Большовой Садовой», как говорит Егор.

Вот ещё забавный разговор подслушал сегодня:

- Коля, Коля, я сделаю гору из нефти...
- Гору... нет... Нефть – течёт.
- А я сделаю, чтоб не текла, смешаю с сеном.
- А где ты возьмёшь сена?
- А у меня завод такой есть.
- Какой завод? Сейчас лошадей-то не стало.

Ну, пока, целую. Пусть Ируся напишет. Очень по вас соскучился. Читает ли Володя Ницше? А здесь у меня был йог. Обещал принести кое-какие книжки по индийской философии. Я хочу познакомиться с Кришнамурти. Разговор у нас был интересным.

3 марта 1979 г., Саратов

...Вчера целый день писал, сделал две большие неважные акварели, зато сегодня две маленькие хорошие. Понемногу начинаю входить в форму, хотя делаю мелочи, но стараюсь

⁹² Израилевич.

⁹³ С Ириной и её мужем Володей.

⁹⁴ Сыновья, Николай (1972 г.р.) и Георгий (1975 г.р.).

хорошо делать... И вот еще: ради бога, не терзайся мыслью, что нам трудно. Нам-то как раз теперь легче. Мальчишки давно привыкли жить подолгу без тебя, а у меня рабочее настроение: хоть и помалу, по мелочишке, но я каждый день что-то успеваю нарисовать или акварельку сделать, но главное – созрели планы, мечты, сделал и «великолепный» эскизик портрета Виктора Казаченко, а эскиз для меня это в сущности больше чем полдела. Образ-то уже есть в памяти. Поэтому очень жду передышки, может быть, напишу, как только сведу мальчишек к Жене. Вот погода всему стоп. Впрочем, для «пейзажных мыслей» погода всегда подходяща.

Первые числа мая 1981 г.

...Ходил на выставку (саратовских художников). Она была закрыта уже, но вещи еще не были сняты. Впечатление – тягостное. Гвоздь – Учаев. Эклектика – своеобразное кредо не только его. Изобретательно и сначала удивляет, а через несколько минут я уже не мог чувствовать себя уравновешенным – я разозлился. Кроме того три музейные дамы выступили с критикой Учаева, и через день Тамара⁹⁵ вышла с бюллетеня, чтобы устроить «обсуждение обсуждения», т.е. поведения музейных «критиканов». Учаев не та фигура, которую могут трогать эта «мелкота». Вот до каких высот достигла демократия в Саратове, даже на обсуждение выставки надо заранее подать тезисы на утверждение. Общественная жизнь строго по расписанию и под сугубым контролем (в интересах трудящихся). Долго рассказывать, но наши Геростраты по любому поводу приводят демагогические пушки в действие. Кто же у нас в упр. культуры, в парт. органах? Почему они благосклонны к этим жуликам (я не говорю об Учаеве – он единственный, который делает с умением и по-своему на известном уровне). Но остальные, которые с ним и подражают ему, – очень плохо.

18 мая 1981

В пейзаже должно быть какое-то число точек со своим определенным действием; сгущение, разряжение движения ли, света ли, т.е. драматические моменты; разумеется все это подчиняется главной конструкции – основному движению. У Тернера это по-моему особенно заметно, и вряд ли исследователи знают об этом, а может, кто и знает (увидел). Я это почувствовал в 68-м или 69-м осенью, когда писал пейзаж на Сомовском острове, и вот теперь гляжу на него снова, и напрашивается вывод: «Я все думал, как же при явной незавершенности, он тем не менее действует...» Чудин был пьян, но так он откровеннее: «Провалы есть, а здорово».

Приложение

М.А. Богадельщикова – И.Н. Пятницыной

Здравствуйте, Ира!

В Саратове я, естественно, закрутилась в день отъезда и не успела перепечатать запись О.Я. Кочик беседы с М.Н. о Гогене. Да и здесь лишь вот сегодня дорвалась до машинки. Сейчас перепечатаю эту запись, буду все так же следовать правилам текстологии, т.е. не изменять ни буквы (на этот раз – уже О.Я. Кочик), если что-то надо дополнить в пояснение, буду брать в скобки.

Проводя по приезду «кавалерийскую» уборку, я тут была было вздернута, обнаружив среди бумаг на полочке М.Н. листок, где сверху стоит надпись: «Моё завещание. Лист I». Запись карандашом, он не развил и не успел сказать того, что хотел, но видно собирался основательное духовное завещание написать (судя по тому, что это начало «Листа I-го»). Я как-то рассказывала, что в последний раз, т.е. за месяц до конца, у него вертелись мысли о завещании, но я старалась отвлечь от «мрачных мыслей». А, видимо, замысел был завещания разного: не только примитивного наследного материального, но именно духовного. Этот «Лист I» выглядит совсем «филологическим» – и не совсем ясно, что он хотел и как развить дальше. (Ирочка, все это не относится к нашей работе, но я уж расскажу, м.б. это тоже внесет лишний штрих в понимание его.) Вот что там:

⁹⁵ Петрова-Гродскова.

Как лен елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.
(Подражания Корану
V стих. Пушкин А.С.)

С. Львович Толстой («Очерки былого») рассказывает о недоумении Льва Ник. Толстого: «Откуда (в «Анчаре») в пустыне – лыки». Лыками здесь названы циновки, так же как Лен, елеем напоенный – фитиль. Мальчишкам, когда серьезно станут читать.

И совсем внизу, мелко (т.е. это как черновик, для себя): «Выписать из С.Л. Толстого стр. 86-87».

Вот такой листочек. Книга С.Л. ему очень нравилась, она у нас есть, годом раньше купила в букинистическом, он читал ее раньше, восторженно кое-что пересказывал. М.б. запись сделана и не в ноябре 1981, а несколько раньше.

Там же, на других листочках, тетрадных (а этот – форматный, оборотка листочка из курсовой работы, мы их как черновики используем) нашла еще несколько подобных «филологических» записей – из С.-Щедрина, Пушкина, Фета выписки маленькие. И еще – карандашиком набросок стиха, по содержанию – Соне (потом пошлю ей или привезу).

Возвращаясь к записи Ольги Яковлевны. В письме она пишет: «Беседовали много, но, к сожалению, я не записывала и всё стерлось в памяти, сохранилось только ощущение большой глубины его суждений об искусстве. Ведь только запись одной беседы в Пушкинском музее перед полотнами Гогена. Записывала отрывочно, не все могу теперь даже расшифровать».

Эту беседу я перепечатаю на отдельный листок, пишете, Ира, что и как – Вам конечно же понятны трепет и волнение, с какими я распечатываю Ваши письма...

Всего лучшего, будьте здоровы всем семейством, большой привет Соне и очаровательной Лиде Красноперовой (зачеркнула слово, потому что оно не совсем точное, т.е. не совсем так м. быть воспринято, просто с Лидой-то в тот мой последний визит к Вам я впервые общалась не на бегу, как прежде, и её душевное обаяние не могла не ощутить).

М.Н. Аржанов о Гогене (Запись беседы О.Я. Кочик)

<Для Гогена характерны> отсутствие конкретности, сглаживание контрастов. Нет второстепенного, все едино. Главное – согласование, не отрицает ничего из видимого, но не входит в картину то, чего не должно быть. Закон организации.

Глаза и деревья (глаза-фонари) равной выразительности. Он почувствовал, как делали старые мастера – выразительность. Гоген не гедонист, как Матисс. Ван Гог более земной, земные страдания. Неистовство Ван Гога ничто по сравнению с непреклонностью Гогена.

Пейзаж с павлинами

Красочное пятно самоценно, как форма, поет как аккорды, вливается в общую песнь. Пятна связаны меж собой определенностью формы. Дорожка – фантазия на тему птицы. Форма выкручивается из неё же, усиливает её.

А, ты ревнуешь!

Диагональ совпадает с диагональной массой фигур. Связь определяется логикой построения египетской живописи, греческого искусства, готики, полинезийского искусства – слились у Гогена. Острое ощущение реальности. Сгусток мира, через себя протаскивает всё.

Изначальный исток и изначальный смысл. (Т. Манн – слово, проникающее в глубину.) Триединство первообраза: дух, материя, хаос сошлись. Немецкий экспрессионизм происходит отсюда.

Синтез линий, учет пустых мест, направлений. Деформация и сокращения форм.

Подчинение единству, всем точкам и зонам плоскости. Сущность деформации глубоко оправдана общей структурой вещи.

Кладка дает много, не везде выкладывает форму, ищет в мясе.

Богатая фактура для формального художника – самоцель, здесь – построение плоскости. Выражение, а не изображение. Перевоплощение природы через цвет, линию, рисунок, композицию. Цветовая зона заключена в форму, в рисунок, становится элементом композиции. Цветная форма – знак, показывает не дорогу, а кусок дороги. Такая система осознана им вполне. До него с такой отчетливостью этого ни у кого не было. Растворяет отдельные элементы до степени согласования и взаимоподдержки.

Отвлеченная религиозность. Призыв к общему, к растворению в любви – во всех великих религиях. Точки одинакового воздействия на глаз – важна интенсивность воздействия. Один и тот же цвет в различном окружении действует по-разному.

Немцы грубо оперировали цветом (Нольде). У Гогена тонко разработан цвет. Шагал – от Гогена.

Главное – воздействие цвет. пятна, а не объем. У импрессионистов пространственная модель мира. У Гогена иное, синтетическая пластика. Как в древнем искусстве (Египет, Греция), все сведено к единой системе выразительности, все смыкается в одной точке и в ней все распускается.

Проблема изначального. XX век будет обращаться к этой проблеме (Т. Манн). Гоген – начало этого процесса. Не индивидуалистическое искусство. Главная философия – она объясняет пластику.